

МВД России
Санкт-Петербургский университет

В. В. Балахонский, А. Г. Никулин, М. В. Молчанова

**МЕТОДОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ
И ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

*Под общей редакцией
доктора философских наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы Российской Федерации
В. В. Балахонского*

Санкт-Петербург
2023

УДК 168.5

ББК 87.25

Б20

Балахонский В. В., Никулин А. Г., Молчанова М. В.

Б20 **Методология подготовки и проведения научного исследования** : учебное пособие / В. В. Балахонский, А. Г. Никулин, М. В. Молчанова; под ред. проф. В. В. Балахонского. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. — 68 с.

ISBN 978-5-91837-683-6

В учебном пособии изложен материал, позволяющий не только изучать и теоретически осмысливать многообразные аспекты процесса подготовки и проведения научного исследования, но и осуществлять конкретизацию этих задач применительно к области подготовки адъюнктов к написанию кандидатских диссертаций; описаны сущность и специфика методологии научного познания, критически анализируются современные стратегии проведения научного исследования в области социальных и гуманитарных наук; рассматриваются вопросы логики планирования и организации научной деятельности. Наряду с теоретическими вопросами в учебном пособии содержатся практические рекомендации по работе с различными источниками информации, представленными в печатной и электронной форме, организации поиска нужной литературы в каталогах научных библиотек; раскрываются особенности работы с интернет-материалами; рассматривается порядок защиты кандидатской диссертации.

Предназначено для адъюнктов, аспирантов и соискателей, занимающихся подготовкой и написанием кандидатских диссертаций.

УДК 168.5

ББК 87.25

Рецензенты:

Бельский В. Ю., доктор философских наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Стрельченко В. И., доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
(Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена)

ISBN 978-5-91837-683-6

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	6
§ 1. Методология научного познания как основа научной деятельности	6
§ 2. Стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках	17
§ 3. Современные представления о структуре и особенностях методологии науки	28
Глава 2. ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	44
§ 1. Логика планирования и реализации научной деятельности	44
§ 2. Анализ научно-методической литературы.....	50
§ 3. Порядок защиты диссертации	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие по методологии подготовки и проведения научного исследования ориентировано на актуализацию наиболее значимой на данном этапе развития науки проблематики, которая ещё не получила своего достаточного теоретического осмысления в современной монографической и учебно-методической литературе. Оно должно способствовать выяснению тех средств и методов, которые в наибольшей степени влияют на процесс формирования методологической культуры адъюнктов и соискателей, необходимой для эффективного осуществления диссертационного исследования.

Основное внимание в пособии уделено методологии научного познания как основы научного творчества. В работе рассматриваются общие закономерности применения научной методологии для решения задач диссертационного исследования, анализируются особенности различных стратегий научного исследования в области социальных и гуманитарных наук, выясняются правила оформления рукописи научно-квалификационной работы и требования к процедуре защиты кандидатских диссертаций.

Учебное пособие направлено на формирование у адъюнктов и соискателей:

— знаний: предмета, функций и задач методологии научного исследования; уровней методологического анализа; эмпирических и рациональных факторов и их роли в построении теории; общей схемы научного исследования; этапов научного исследования; основных методов научного исследования; правил оформления научной работы;

— умений: выбирать методы проведения исследования в соответствии с поставленными целями и задачами; формулировать научную проблему и гипотезу; определять актуальность выбранной темы научного исследования; применять логические законы и правила; разрабатывать конкретную методику проведения научного исследования; составлять план научного исследования; оформлять результаты научного исследования в соответствии с требованиями; редактировать научный текст; составлять композицию научной работы;

— навыков владения основными методами научного познания, определения их места в научной деятельности специалиста; способностью использовать принципы, подходы и методы в научно-

исследовательской работе, методологические и эвристические принципы построения научной теории; навыков построения научной гипотезы, определения объекта, предмета, цели и основных задач научного исследования; навыков применения способов решения научных проблем в процессе исследовательской деятельности, владения правилами организации своей научно-исследовательской деятельности.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Методология научного познания как основа научной деятельности

Одной из важных задач философии по отношению к конкретным наукам является осуществление методологической функции, состоящей в разработке универсальных методов, процедур и форм познавательной деятельности. Научный метод познания можно определить как систему регулятивных норм организации теоретической и практической деятельности, выработанных субъектом познания, на основе сущности и специфики изучаемого объекта.

Научный метод познания представляет собой яркое проявление единства субъективного и объективного: он разрабатывается учёным, выступающим субъектом познавательной деятельности, но объективен, т. е. независим по своему содержанию и формам применения от своего разработчика. В практике проведения конкретного научного исследования выбор метода, который целесообразнее всего применить в данном случае, детерминируется спецификой изучаемого объекта, целями и задачами осуществляемого исследования, требуемой глубиной рассмотрения проблемы.

В научной литературе, посвящённой методологии познавательной деятельности, широко представлены две классификации познавательных методов. Различие между ними определяется разницей исходных оснований построения данных классификаций.

Первая классификация построена на основе определения границ применения методов в процессе познания. По этому основанию научные методы делятся на три большие группы.

Первую группу составляют всеобщие методы, отличительной особенностью которых является возможность их применения во всех науках и на всех этапах познания, они раскрывают общую логику, стратегию исследовательского поиска. Данную группу составляют философские методы, важнейшими из которых являются диалектический метод, метафизический метод, логический и исторический методы, метод восхождения от абстрактного к конкретному и т. д.

Вторую группу образуют общенаучные методы, которые также обладают универсальными характеристиками и используются во всех науках, но, в отличие от всеобщих методов, применяются лишь

на определённых этапах познания. В эту группу входят такие методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, эксперимент и т. д.

Третья группа объединяет частные методы, для которых характерны узкие границы их применения, они, как правило, используются лишь в пределах одной науки либо в ограниченных рамках близких областей проведения научных исследований. Примерами подобных частных методов могут служить метод препарирования, применяемый в биологии (применение этого метода можно обнаружить и в действиях патологоанатома), радиоспектральный метод, используемый в физике, и т. д.

Первая классификация построена на базе дифференциации методов в соответствии с уровнями научного познания. По этой, традиционной для научной методологии, классификации методы подразделяются на эмпирические, основанные на получении знания из опыта. Эту группу составляют такие методы, как наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, описание, и теоретические, использующие логические способы получения знаний при помощи соответствующих умозаключений и обобщений. Примерами методов этой группы являются метод абстрагирования, метод аксиоматизации, метод формализации, метод восхождения от абстрактного к конкретному и др. При рассмотрении данной классификации следует обратить внимание на то, что она обладает одним существенным недостатком: в её неспособности дифференцировать некоторые важнейшие методы по заявленному основанию построения данной классификации. Например, такие важные общенаучные методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование и др., могут использоваться и на теоретическом, и на эмпирическом уровне. Это серьёзный недостаток данной классификации, но вследствие её широкой репрезентации в современной научной литературе её следует знать и учитывать в тех познавательных ситуациях, в которых данный недостаток не проявляется.

Обратимся к рассмотрению сущности и специфики методов проведения научного исследования. Начнём с самых простых, но вместе с тем фундаментальных эмпирических методов, на основе которых формируется более сложный методологический инструментарий науки.

Исторически первым методом, применяемым человеком в его познании мира, был метод наблюдения. От обыденного наблюдения,

широко представленного в процессах жизни любого человека, научный метод наблюдения отличается рядом важнейших принципов, соблюдение которых обязательны для его научного статуса. К таким принципам относятся следующие: принцип планомерности; принцип систематичности; принцип активности (некоторые авторы относят метод наблюдения к так называемым пассивным методам исследования, очевидно, ассоциируя это с ученым, сидящим за микроскопом, однако проведение наблюдений требует от исследователя большой активности, например, наблюдение за поведением диких животных в естественной среде); принцип сведения до минимума субъективного влияния. Основными функциями метода научного наблюдения в проводимом исследовании являются функция сбора эмпирической информации для постановки проблем, выдвижения гипотез и обобщения собранного материала; функция проверки достоверности выдвигаемых научных предположений.

Следует учитывать различие двух возможных видов научного наблюдения. Первый вид наблюдения называется прямым, он связан с непосредственным восприятием учёным изучаемого объекта. Второй вид наблюдения — косвенный, его особенностью является опосредованное восприятие объекта через изучение результатов его взаимодействия с другими объектами. Классическим примером косвенного наблюдения выступает применение в физике камеры Вильсона, которая позволяет наблюдать лишь следы заряженных микрочастиц, а не сами эти частицы.

Более сложным методом, возникающим на основе наблюдения, является метод сравнения. Суть этого метода научного познания состоит в установлении сходства и различия между изучаемыми объектами. Необходимым условием научного статуса применения данного метода выступает неукоснительное соблюдение двух основных требований. Первое из них состоит в том, что нельзя сравнивать заведомо несравнимые объекты, т. е. сравнение должно проводиться по общему логическому основанию. Любое нарушение данного требования делает сравнение ненаучным. Второе требование связано с необходимостью проводить сравнение по наиболее важным признакам. Несоблюдение этого требования влечёт за собой опасность для исследователя запутаться в чрезмерно большом количестве параметров проводимого сравнения, в результате чего так и не получить его качественные результаты.

Сравниваемые в процессе исследования объекты могут соотноситься между собой непосредственно, что даёт возможность получения качественных результатов, и опосредованно, т. е. сравнение осуществляется на основе соотнесения сравниваемых объектов с каким-то третьим объектом. Разновидностью и конкретизацией подобного опосредованного сравнения является метод измерения.

Процедурная сущность метода измерения состоит в выяснении количественных характеристик объекта при помощи соответствующего эталона. Такими эталонами в научном познании выступают общепринятые единицы измерения — метр, килограмм, километр и т. п. Определение количественных параметров изучаемого объекта позволяет в ходе проводимого исследования осуществлять дальнейший научный анализ его качества.

Важнейшим методом эмпирического уровня исследования является эксперимент, сущность которого состоит в создании учёным искусственных условий, позволяющих обнаруживать интересующие его свойства изучаемого объекта.

В процессе научного исследования эксперимент может выполнять следующие основные функции:

- 1) обнаружение ранее неизвестных объектов или их определённых характеристик;
- 2) выявление или уточнение количественных параметров изучаемого объекта (то есть его измерение);
- 3) уточнение соотношения между объектами, их сравнение между собой, что может служить эмпирической основой определения их сущности и построения соответствующей классификации объектов;
- 4) обоснование ранее выдвинутых гипотетических предположений (экспериментальное подтверждение гипотезы является надёжным и убедительным способом её доказательства; это обусловлено тем, что эксперимент выступает в качестве одной из трёх главных форм практического подтверждения истины).

В соответствии с указанными функциями в научной методологии выделяют следующие основные виды экспериментов: поисковые, измерительные, проверочные, доказательные и т. п.

В современной научной литературе часто можно встретить указание на так называемые мысленные эксперименты, которые, как правило, соотносятся с изучением бесконечного Космоса, т. е. бесконечно далеко выходят за пределы человеческой практики. Но эксперимент — это одна из главных форм именно практической проверки

истины. Не основанные на практике, «мысленные» эксперименты по своей сути представляют собой подмену научных понятий: понятие «эксперимент» заменяется понятием «моделирование». Действительно, «мысленные» эксперименты, по мнению их сторонников, состоят в логическом или математическом моделировании соответствующих явлений или процессов. Такая подмена понятий является научно некорректной, поскольку она продуцируется либо отождествлением методов эксперимента и моделирования, либо выступает продуктом субъективного желания некоторых учёных придать убедительность своим космологическим предположениям, доказать которые практически невозможно.

Важным методом эмпирического познания является также метод описания, сущность которого состоит в фиксации характеристик объекта в определённой знаковой форме. Конкретными репрезентациями подобных знаковых форм выступают слова разговорного языка, научная терминология, символы, формулы и т. п. Спецификой метода описания является его универсальный характер, вследствие чего он может быть отнесён к всеобщим методам, но, в отличие от других всеобщих методов, он может действовать на всех этапах проводимого исследования. Это определяется тем, что описание предваряет любой исследовательский процесс, уточняя предмет его познавательного интереса, информационно фиксирует сам ход этого процесса и текстуально оформляет его результаты.

Главной особенностью человеческого сознания выступает его способность к абстрактному мышлению. В сфере методологии научного познания это находит свою конкретизацию в методе абстрагирования, состоящем в отвлечении от несущественных свойств объекта и фиксации внимания на главных, существенных свойствах. Метод абстрагирования выполняет принципиально важные функции в научном исследовании, обеспечивая саму возможность его проведения. Эвристическая значимость данного метода ярко раскрывается в конкретных результатах его применения — в видах получаемых абстракций:

1) абстракции отождествления, состоящей в образовании научных понятий, осуществляемом на основе объединения изучаемых объектов в особый класс, что возможно лишь при их мысленном отождествлении между собой;

2) изолирующей абстракции, представляющей собой выявление свойств, не существующих отдельно от реальных предметов, и обозначение их соответствующими именами, в результате чего эти свойства

в нашем сознании начинают существовать и рассматриваться как самостоятельные объекты научного интереса (примером могут служить такие свойства предметов, как белизна, растворимость, устойчивость и т. п.);

3) абстракции конструктивизации, основанной на отвлечении от сложности и неопределённости границ реальных объектов.

Достаточно простыми, но вместе с тем фундаментально основополагающими методами познания являются два взаимодополняемых и взаимосвязанных метода — анализ и синтез. Метод анализа представляет собой совокупность приёмов мысленного разделения изучаемого объекта на составляющие его части, что позволяет осуществить их детальное изучение. Метод синтеза объединяет в себе группу приёмов мысленного соединения разделённых в анализе составных частей целого в целях получения его обобщённых характеристик.

Научные представления о специфике анализа и синтеза возможно получить только применяя изолирующую абстракцию, поскольку в реальном познавательном процессе они неотделимы друг от друга, их неразрывная взаимосвязь состоит:

1) в их взаимообусловленности, поскольку для осуществления анализа необходимо представление о целом объекте, что предполагает имеющийся в нашем сознании результат предшествующего синтеза, а для проведения синтеза необходимы представления об отдельных частях единого целого, что достижимо лишь на основе уже совершённого анализа;

2) в их взаимодополняемости, детерминированной тем, что метод анализа позволяет раскрыть специфику, свойственную частям единого целого, а метод синтеза направлен на выяснение того существенно общего, что объединяет части объекта.

В методологии научного познания классическим примером конкретного проявления взаимодополнения методов анализа и синтеза выступает дифференциально-интегральный метод в математике. Чтение человеком какого-либо текста или запись им определённой информации также возможны лишь на основе аналитико-синтетической деятельности разума по отношению к звуковой и буквенной структуре слова.

Отдельным видом аналитической деятельности, обладающей явно выраженной методологической спецификой, выступает метод субстратного анализа, который в истории науки всегда был одним из первичных способов изучения объекта. Генетическая первичность метода субстратного анализа не свидетельствует о том, что он представляет

собой чисто эмпирический уровень познания; данный метод может эффективно использоваться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне познания.

Реализация в практике проведения научного исследования субстратного метода заключается в поиске минимально достаточных оснований формы существования и развития изучаемого объекта, представляющих собой относительно простые, качественно элементарные элементы его составляющие.

Примерами результатов применения метода субстратного анализа в методологии научного познания выступают многие фундаментальные научные открытия. Так, в современной науке субстратом всех природных явлений считается материя; все известные физические явления и процессы имеют своим субстратом элементарные частицы и поля; атомы выступают субстратом химических реакций; презентацией субстрата биологических процессов служат молекулы ДНК и РНК, а также белковых веществ, которые являются элементарными «единицами» земной жизни, в соответствии с методологией марксистского экономического анализа субстратом капиталистической системы отношений выступает «товар».

Представляется целесообразным выделить важнейшие принципы субстратного анализа, к которым относятся, во-первых, принцип обнаружения относительно независимых друг от друга единиц субстрата, составляющих его компоненты, и определения их сравнительных характеристик; во-вторых, принцип выявления элементарно-достаточной структурной основы изучаемого объекта, позволяющей ему сохранять свою качественно-количественную определённую и специфику с последующим исследованием её сущностных свойств и важнейших характеристик; в-третьих, принцип номологического эвристического поиска, предполагающий обнаружение законов, лежащих в основе структурной организации объекта, и отношений между объектом и его субстратом.

В отечественной философско-методологической литературе имеется лишь одна монография, написанная в 1981 г. Е. П. Никитиным¹, посвященная применению методологии субстратного анализа к изучению природы научного обоснования. Данную тематику продолжил и теоретически развил поволжский философ А. А. Гагаев², но затем

¹ Никитин Е. П. Природа обоснования. Субстратный анализ. М.: Наука, 1981. 176 с.

² Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Мордовский государственный университет, 1991. 308 с.

осмысление феномена субстратного анализа на уровне монографических исследований перешло на периферию научного сознания.

В общей логике проведения научного исследования метод субстратного анализа дополняется привлечением структурно-функционального, вариативно-моделирующего и генетического эвристических методов. Многогранность и многоаспектность природы познаваемой наукой реальности продуцирует следующую логическую связь во взаимодействии методологических приоритетов: изучая свойства объекта, мы одновременно получаем информацию для понимания его субстрата; а выясняя содержание субстрата объекта, мы выходим на необходимость решения проблемы определения системообразующих принципов, объединяющих компоненты субстрата в единое целое, т. е. его структуры, которая, в свою очередь, не может быть понята без выяснения её функций. Эта логически обоснованная последовательность исследовательских действий раскрывает взаимодетерминированность корреляции методологических операций, взаимодополняющих и взаимоуточняющих друг друга.

Логическим развитием таких фундаментальных основополагающих методов познания, как анализ и синтез, является системный метод исследования, который справедливо считается многими историками науки ведущим методом XX в. Это метод незаменим для изучения сложных объектов, каковыми является абсолютное большинство феноменов, входящих в предмет познавательного интереса социогуманитарных наук.

Системный метод исследования ориентирован на решение трёх познавательных задач.

Первая из них состоит в выяснении элементов, в своём единстве образующих изучаемый объект. Решение этой задачи предполагает применение методологии научного анализа, включая в себя как возможный компонент и субстратный анализ.

Вторая задача связана с решением вопроса о том, что объединяет эти элементы в единое целое, иными словами, речь идёт об обнаружении системообразующих связей, обеспечивающих целостность структуры объекта. Решить эту задачу невозможно без привлечения метода научного синтеза.

Третья задача, раскрывающая саму специфику системного метода исследования, состоит в рассмотрении изучаемого предмета в качестве элемента другой, более широкой системы.

Следует отметить некоторую корреляцию функционала системного и субстратного методов исследования, что подчёркивает близость их

методологии. Основное различие между этими методами состоит в следующем:

1) если системный метод стремится к изучению объекта в единстве всех составляющих его элементов, то субстратный метод ограничивается лишь выяснением минимально достаточных компонентов, способных обеспечить его функционирование;

2) если системный метод ориентируется на формирование целостного представления об изучаемом объекте, то субстратный метод — лишь на определение важнейших компонентов объекта, которые составляют его субстрат.

К методам научного познания, применяемым на эмпирическом и теоретическом уровнях познания, принадлежат такие основополагающие методы, как дедукция и индукция.

Дедукция представляет собой метод познания, функционирующий на базе движения мысли от общего к частному, т. е. осуществляемый путём логического вывода сведений об изучаемом объекте на основе общих научных положений.

Индукция — это метод познания, в основе которого лежит движение мысли от частного к общему, что операционально конкретизируется в логическом построении вывода путём обобщения информации о частных явлениях. Индуктивный метод не представляет собой какой-то элементарно-однозначной системы логических операций, он является репрезентацией системы составляющих его конкретных методов, направленных на получение выводов о решении конкретных познавательных задач, объединённых общей логикой исследовательского поиска. Так, в частности, в рамках индуктивного метода чётко выделяются следующие логические варианты его конкретизации:

1) метод единственного сходства — если два случая исследуемого явления различны во всём, кроме одного обстоятельства, то это обстоятельство и будет причиной данного явления;

2) метод единственного различия — если случай, в котором явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, во всём сходны кроме одного обстоятельства, то это обстоятельство и будет причиной данного явления;

3) метод сопутствующих изменений — если изменение одного явления сопровождается изменениями другого явления, то эти явления находятся во взаимосвязи друг с другом³.

³ Философия: учебник. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. В. В. Балахонского, А. С. Болдырева. СПб.: СПбУ МВД России, 2018. С. 292–304.

Мы уже упоминали метод исследования, который даже в научной литературе часто путают с методом эксперимента. Таковым является метод моделирования, эвристическая специфика которого состоит в опосредованной форме изучения объекта путём создания и исследования вещественного или логического аналога предмета познавательного интереса, для которого характерно сходство с оригиналом по существенным параметрам и отличие от него по второстепенным свойствам. Методологической основой метода моделирования является метод абстрагирования, но данные методы не тождественны, поскольку моделирование лишь базируется на абстрагировании, дополняя и обогащая его важным дополнительным содержанием. В моделировании исследуется не сам объект, а лишь его аналог (модель), представленный в предметной или логической (математической) форме, т. е. абстрагирование выступает только средством формирования изучаемой модели, что служит лишь предварительным условием, необходимым для проведения самого исследования этой модели. Возможно, определённая «искусственность» в формировании подобной модели, наряду с прочими факторами, и определило стремление некоторых авторов отождествить моделирование с экспериментом (и в том, и в другом случае фигурирует создание «искусственных» условий). Однако ещё раз подчеркнём, что подобное отождествление некорректно.

Основные отличия эксперимента от моделирования:

1. Отличия в репрезентации этими методами различных уровней научного познания: эксперимент представляет эмпирический уровень исследования, моделирование может осуществляться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях.

2. Отличия в атрибутивности создания «искусственных» условий, которые выступают атрибутом, неотделимым от эксперимента, но могут присутствовать, не играя определяющей роли, либо вообще не присутствовать в моделировании (особенно это касается логического моделирования, при котором само понятие создания искусственных условий теряет свой смысл).

3. Отличия в предмете исследования: в эксперименте предметом изучения непосредственно является сам объект, с которым и проводится эксперимент, при моделировании предметом познания становится модель, выступающая формой репрезентации объекта по ряду общих существенных характеристик, интересующих учёного феноменов, т. е. связь с объектом познания в моделировании опосредуется самой моделью.

В сравнении с другими методами проведения научного исследования моделирование обладает рядом существенных методологических преимуществ, основными из которых являются следующие:

1) способность моделирования исследовать процессы, которые невозможно непосредственно наблюдать ни одному индивиду, ни всему человечеству в его историческом развитии (примерами таких процессов, изучаемых на основе метода логического моделирования являются процесс зарождения и эволюции жизни на Земле, процесс естественного образования алмазов и т. д.);

2) экономическая выгода моделирования по сравнению с проведением непосредственных экспериментов с объектом.

В отличие от рассмотренных чисто операциональных методов научного познания, в методологии подготовки и проведения научных исследований важную роль играют теоретические методы, связанные с определением общей логики построения процесса познания. К подобным методам относятся исторический метод, логический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному и др.

Применение исторического метода формирует общую стратегию исследовательского поиска, направленную на особое внимание к фактам и конкретным формам проявления изучаемых процессов. Для этого метода характерна фиксация внимания исследователя ко всем деталям исторически развивающегося процесса, рассматриваемого во всех его случайностях и отклонениях. В противоположность этому логический метод формирует исследовательскую парадигму, базирующуюся на абстрагировании от всего случайного и второстепенного, и фиксирует внимание учёного лишь на раскрытии закономерностей и наиболее существенных проявлениях изучаемого процесса. Результатом применения логического метода становится формирование научной теории, а в результате применения исторического метода происходит воссоздание истории существования и развития познаваемого процесса.

Следует подчеркнуть, что в рамках проводимого научного исследования исторический и логический методы тесно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. Это обусловлено тем, что логическое осмысление объекта позволяет глубже понять его историю, раскрыть основные тенденции её развития, а исторический подход даёт возможность описывать научные факты, позволяет собрать конкретный материал для последующих логических обобщений, служит средством проверки выявленных логическим путём закономерностей.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному раскрывает саму общую логику и тенденцию осуществления процесса научного познания. Основу его категориального аппарата составляют два понятия — «абстрактное» и «конкретное». Абстрактное, как результат применения метода абстрагирования, представляет собой неполное, одностороннее знание. Смысл понятия «конкретное» менее определёнен, поскольку обладает двумя главными значениями. Первое значение связано с фиксацией начального этапа исследовательского поиска, в этом значении конкретное — это сам изучаемый объект. Второе значение понятия «конкретное», напротив, фиксирует телеологический результат познания, каковым является формирование в сознании познающего субъекта всестороннего многогранного знания об объекте.

В соответствие с этим процесс применения метода восхождения от абстрактного к конкретному совпадает с самим процессом исследования, поскольку фиксирует его начальную, отправную точку и его телеологически обоснованное завершение. Логически данный метод можно разделить на два этапа: 1) восхождение познания от конкретного в самой действительности к абстрактному представлению о нём; 2) восхождение от абстрактных, односторонних знаний об объекте к знаниям конкретным, полным и многогранным⁴. Второй этап обладает наибольшим эвристически смыслообразующим значением, поэтому и сам метод получил своё название в соответствии с этим этапом.

§ 2. Стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках

Любое научное исследование должно начинаться с чёткого понимания его целей, задач, желательных результатов, к получению которых стремится учёный. Опираясь на это понимание, важно изначально найти правильную стратегию проведения исследовательской деятельности.

Само слово «стратегия» имеет греческое происхождение, изначально оно ассоциировалось с искусством ведения военных действий. В современном значении, применительно к сфере научного познания, понятие «стратегия» означает всесторонне разработанный общий план проведения исследования. В методологии научного познания

⁴ История и философия науки: учебное пособие / под ред. В. В. Балахонского, А. Г. Никулина. СПб.: СПбУ МВД России, 2021. С. 78–98.

представлены различные варианты стратегий проведения научного поиска. Перечислим основные стратегии.

1. Индуктивная стратегия — смысл ее состоит в систематическом отслеживании тенденций изменения изучаемого объекта. В западной философии науки подобная стратегия часто связывается с так называемым методом «кейс-стади», получившим широкое распространение в 70-х гг. XX в. В зарубежной практике этот метод оказался востребованным с 1970 г., а на волне некритического заимствования всего западного, прокатившейся по нашей стране в последние десятилетия, он широко внедрился в современную отечественную методологическую парадигму. Общий смысл данного метода состоит в том, чтобы, детально изучив один или несколько «случаев», сделать на их основе обобщающий вывод о содержании глубинных процессов, протекающих в обществе. Суть этого метода достаточно тривиальна, но обладает научным значением, поскольку базируется на методологии проведения индуктивного исследования. Подобные стратегии применяются в научном познании уже много веков, западные учёные лишь придумали для этого новое громкое название, не более того. Но сама подобная стратегия исследовательского поиска, несомненно, значима и широко применяется в методологии проведения научных исследований.

Однако следует отметить некоторую опасность некритического применения этой стратегии, которая состоит в том, что неполная индукция, составляющая основу этого метода, всегда даёт только вероятностные предположения. Достоверные знания о целом может дать лишь полная индукция. Поэтому, стремясь сделать обобщающие выводы о процессах, протекающих в социуме, исследователь должен не ограничиваться несколькими отдельными проявлениями («случаями») этих процессов, а стремиться охватить своим исследованием как можно более полную картину происходящего, т. е. стремиться к осуществлению как можно более полной индукции.

Приведённые критические замечания относительно стратегического статуса методологии «кейс-стади» не относятся к области проведения конкретных исследований (например, в практической социологии), в которых предмет изучения ограничен весьма узкими рамками, где речь идёт не об обществе в целом или о важнейших тенденциях его развития, а о достаточно узком горизонте изменений в небольшой социальной общности. В этом случае обнаружение изменений в позициях респондентов, мнения которых ранее были выявлены и зафиксированы,

действительно, может свидетельствовать об определённых тенденциях изменений (настроений, позиций, оценок и т. д.) в рамках данной общности. Обобщая изложенное, следует отметить, что методология «кейс-стади» не представляет стратегии научного поиска, но может рассматриваться как эффективная тактика проведения конкретных исследований в достаточно узких познавательных границах.

В соответствии с индуктивной стратегией организации и проведения научного исследования адъюнкт собирает эмпирический материал по своей теме, который затем обобщается с целью обнаружения закономерностей и важных тенденций изменения изучаемого объекта.

2. Дедуктивная стратегия — предполагает реализацию подхода к изучению предмета на основе его рассмотрения через призму соответствующей научной парадигмы, фундаментальных основ конкретной науки, действующего законодательства, теории права и т. п. Дедуктивный метод, лежащий в основе данной стратегии, в отличие от неполной индукции даёт достоверные научные знания.

Реализация дедуктивной стратегии написания кандидатской диссертации предполагает широкое использование достоверных научных знаний (теоретических, методологических) для осмысления предмета проводимого исследования, для выяснения того, что из имеющихся в науке представлений применимо к объяснению и пониманию изучаемых феноменов.

Выделение нами отдельной дедуктивной стратегии не предполагает установления непреодолимой границы между ней и индуктивной стратегией, напротив, обе эти стратегии взаимодополняют и взаимобогащают друг друга, и в практике проведения научного исследования должна достигаться определённая корреляция данных исследовательских подходов. Дифференциация выбора этих стратегий определяется целями, задачами проводимого исследования, особенностями познаваемого предмета, что позволяет говорить лишь об определённом общем приоритете той или иной стратегии в данном конкретном случае.

3. Стратегия исследования противоположностей в предмете познания — направлена на выяснение сущности изучаемого предмета путём осмысления её проявлений в противоположных формах репрезентации и определения оснований их единства и противоположности. Глубокий диалектический потенциал данной стратегии наиболее чётко раскрывается в сфере социально-гуманитарных наук, предметом изучения которых является человек, общество и многообразные

сферы жизнедеятельности социума, атрибутами сущности которых выступают соответствующие противоречия. Методологическое значение познавательной стратегии, направленной на выяснение подобных противоречий, состоит в том, что она позволяет выявить источники социальных или ментальных изменений, обнаруживать возможности и средства снятия остроты борьбы противоположностей, предсказывать назревание определённых социальных проблем.

В практике подготовки и написания адъюнктами диссертаций реализация данной стратегии предполагает:

- 1) чёткую постановку проблемы, которую призвано решить проводимое исследование;
- 2) изучение истории этой проблемы, включающей в себя полемику между специалистами в данной области, борьбу противоположных научных позиций и школ, столкновение мнений и т. п.;
- 3) использование при проведении исследования диалектического методологического инструментария;
- 4) предлагаемое диссертантом решение научной проблемы.

Конкретной формой тактической реализации данной исследовательской стратегии может служить социологический метод исследования «дна» и «элиты» общества, получивший свою актуализацию в современной парадигме социального познания. Репрезентацией «дна» общества выступают бомжи, наркоманы, бродяги, алкоголики и прочие асоциальные элементы социума, «элиту» ассоциируют с артистами, известными спортсменами, учеными, политиками, представителями крупного бизнеса и т. д. Применение данного метода исследования социума позволяет глубже понять остроту социальных противоречий, назревание социальных конфликтов и разработку мер по их снятию и т. д.

4. Стратегия объяснения изучаемых феноменов — предполагает переход от научного описания исследуемых явлений к объяснению их сущности. Методология научного объяснения предполагает выяснение законов функционирования и изменения объекта при учёте конкретных условий их реализации в определённой форме реальности (природной, социальной или виртуальной), благодаря чему выявляется сущность соответствующих феноменов, формируется основа для осуществления научных предсказаний, ретросказаний, оценок и т. д.

В практике проведения диссертационного исследования данная стратегия реализуется на основе перехода от описательной части работы,

которая фиксирует собранный эмпирический материал, к её объяснительной части, предполагающей формирование теоретических положений, выполняющих объяснительные функции по отношению к эмпирическому материалу.

5. Стратегия критической рефлексии изучаемого материала — состоит в разностороннем оценочном подходе к исследуемым явлениям, а также к представленным в научной литературе мнениям по их поводу. Основы данной стратегии были заложены ещё Сократом, выделявшим в качестве важного аспекта своего познавательного метода иронию — критику недостаточного или неправильного мнения оппонентов. С тех пор критическая рефлексия изучаемого материала становится атрибутом научной деятельности.

Стратегия критической рефлексии предполагает не только соответствующее оценочное отношение к исходному познавательному материалу, но и разносторонность и многогранность исследовательских подходов, позволяющих обнаружить позитивные, эвристически ценные аспекты объекта критического анализа и выявить его слабые стороны и недостатки. Само понятие критики в данном контексте не обладает только негативными коннотациями. Более значимой выступает её позитивная сторона, стремление обнаружить рационально обоснованный смысл аксиологически противоречивых феноменов.

В работе по подготовке и проведению научных исследований адъюнктам следует применять стратегию критической рефлексии изучаемого материала на всех этапах их деятельности: начиная от критической оценки собираемого эмпирического материала и его верификации, заканчивая формулировкой положений диссертации, выносимых на защиту (что является примером позитивной и плодотворной самокритики).

Приведённый перечень возможных стратегий организации научной деятельности не является исчерпывающим. Выбор той или иной стратегии определяется самим исследователем, который вправе разработать и предложить собственную эвристическую стратегию, в наибольшей степени соответствующую специфике изучаемого объекта. Важнейшими детерминантами выбора стратегии являются: объект, предмет, цели и задачи исследования, используемый методологический инструментарий и, конечно, сам субъект познания — учёный, наделённый определёнными способностями, знаниями, предпочтениями и т. п. Именно субъект как источник познавательной активности, реализующий её в системе исследовательских действий, определяет и цели, и задачи, и выбор методов их достижения.

Безусловно, субъект научного познания — учёный, наделён всеми формами человеческой субъективности, включающей в себя его симпатии, антипатии, вкусы, мировоззренческие убеждения и т. п., но это не означает субъективного произвола исследователя. Наука требует объективности в рассмотрении явлений.

Как же соотносится принцип объективности как атрибут научного познания, с субъективными предпочтениями учёных?

Свобода научного поиска, право субъекта выбирать тему, объект, предмет, методологический инструментарий проводимого исследования преобладает на начальных этапах работы, но будучи выбрана и сформирована сама стратегия организации и проведения научной деятельности начинает требовать от субъекта выполнения соответствующих норм и правил осуществления познавательных операций и процессов. В завершение работы учёный должен получить определённые результаты, обладающие абсолютно объективными характеристиками, не зависящими от любых форм человеческой субъективности.

Можно выделить определённую закономерность изменения соотношения субъективности и объективности на различных этапах исследовательского поиска учёного: влияние субъективных факторов в процессе научного поиска снижается по мере продвижения исследования от его начальных этапов к завершению работы, а в итоговых результатах и выводах происходит достижение научной объективности.

Может возникнуть вопрос: как быть с объективностью тенденциозно написанных работ, в которых идеологические, мировоззренческие, политические предпочтения, симпатии и антипатии определяют и полученные результаты? Ответ на него достаточно прост: подобные работы не обладают научным статусом. Они могут представлять политические программы, констатацию идеологических убеждений, религиозные произведения, но только не науку.

Отмеченная тенденция трансформации исходных субъективных установок учёного в объективные результаты проведённого исследования относятся к общей методологической стратегии науки, без её дифференциации по различным областям знания. В сфере социально гуманитарных наук проблема методологической субъективности в значительной степени усиливается проблемой субъективности самого предмета исследования — человека и общества. Субъективность в данном случае выступает неотъемлемым атрибутом как индивидуального человеческого сознания, так и многообразных форм общественного

сознания, именно они и специфические формы жизнедеятельности, организованные на их основе, и составляют предметы изучения социальных и гуманитарных наук.

Всё в человеческих действиях и в человеческом обществе пронизано субъективностью, которая может определять соответствующие поступки и действия, но общество представляет собой сложно организованный социальный организм, для которого характерными являются конфликты и противоречия между составляющими его социальными субъектами (индивидами, семьями, политическими партиями и т. п.). Субъективное осознание объективных социальных противоречий способно резко обострить конфликтные ситуации в обществе, та или иная форма разрешения которых выступает репрезентацией определённых социальных закономерностей.

Что же помимо результатов и выводов исследований составляет объективную основу реализации научной стратегии в области социально гуманитарных наук?

Такую основу образуют две важнейшие формы научного познания — факты и законы. Обе эти формы носят объективный характер. Именно они образуют методологическую основу осуществления важнейших эвристических процедур — объяснения, предсказания, ретросказания и доказательства, определяющих научный характер используемой методологии.

В меньшей степени проявляются возможности достижения объективности в процедурах интерпретации и оценки. Это обусловлено тем, что интерпретация представляет собой придание смысла любым проявлениям человеческой деятельности, а определение смысла содержит достаточно большой простор для субъективности. Именно поэтому одной из важных гносеологических характеристик интерпретации выступает атрибутивная возможность иных интерпретаций. Различие интерпретаций одних и тех же фактов может вести к тенденциозному их осмыслению.

Оценка также оставляет большой простор для проявления субъективности, поскольку может соотносить свой предмет с определённой системой ценностей, среди которых возможно наличие и иррационально осмысленных и ненаучных ценностей.

Подобная специфика познавательных процедур интерпретации и оценки, состоящая в достаточном просторе для проявления субъективности даже в результатах их применения, требует от исследователей

особого внимания к их объективному использованию и методологической осторожности, направленной на то чтобы избежать или хотя бы минимизировать субъективное влияние.

Мы выяснили, что факты и законы выступают важнейшими основополагающими формами научного познания, обеспечивающими объективную обоснованность получаемых результатов. Но насколько широко представлены в методологии социально гуманитарного познания эти формы?

Факт, понимаемый как достоверное эмпирическое описание события или явления, предполагает возможность различных интерпретаций, что продуцирует острые научные дискуссии. Но само достоверно установленное событие не может вызывать научные споры. Примером этого служит ожесточённый спор, развернувшийся по идеологическим мотивам, вокруг такого социального явления нашей отечественной истории, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Мнения спорящих сторон разделились на крайние противоположности. Но ожесточённый спор касается только оценок или интерпретаций этого события. Сам факт его свершения в 1917 г. не подлежит никакому сомнению и никем не оспаривается.

Можно констатировать, что социально гуманитарное познание располагает большой фактуальной базой, позволяющей основывать на ней теоретические научные обобщения и проверять выдвигаемые гипотезы.

Проявляются ли в процессах функционирования и изменения общества особые социальные законы, также вызывает споры в научном сообществе. Представители некоторых философских направлений ставят это под сомнение на основании уникальности и неповторимости социальных событий. Если нет повторяемости в развитии общества, то нет и не может быть никаких социальных законов. Подобное сомнение в существовании общественных закономерностей является научно некорректным, поскольку игнорирует факты и абсолютизирует степень уникальности социальных явлений.

Социальные явления, конечно, уникальны и неповторимы, но не более чем уникальны и неповторимы любые события, происходящие в животном или растительном мире, являющемся предметом изучения естествознания. Однако относительно природных законов никто не высказывает сомнений в их существовании. Уникальность является важной характеристикой объектов не только живой, но и неживой

природы. Например, в мире не существует двух одинаковых капель воды или снежинок.

Повторяемость выступает атрибутом любого закона, поскольку любой закон — это необходимая, существенная, повторяющаяся связь между явлениями. Есть ли повторяемость в социальных процессах? Ответ на этот вопрос, безусловно, положительный. Что же повторяется в истории развития общества? Повторяются социальные ситуации, в которые последовательно попадают люди, народы, поколения и всё человечество.

Под влиянием научной аргументации споры о реальности экономических, политических, психологических и иных социальных закономерностях завершились их безусловным признанием, однако центр последующей дискуссии сместился в сторону сомнений в существовании особых исторических закономерностей, отличающихся от других социальных законов.

В ходе длительной дискуссии по данному поводу сформировались две противоположные позиции, которые можно условно обозначить как позиции противников и сторонников существования специфических исторических законов⁵.

Основные аргументы, выдвигаемые учёными, которые отрицают существование специфических исторических законов, можно свести к следующим положениям:

1. Не существует особой специфической исторической деятельности людей, а следовательно, и её законов. Процесс развития общества детерминируется экономическими, политическими, идеологическими, религиозными и иными формами деятельности, обладающими собственными законами.

2. Любой процесс человеческой деятельности имеет свою историю и в силу этого может считаться историческим. Экономические, политические, идеологические законы прошлого все носят исторический характер.

3. Исторический закон служит лишь формой конкретизации социологического закона как закона, представляющего более высокий уровень теоретического обобщения.

⁵ Балахонский В. В., Бахтин М. В., Стрельченко В. И. Модели и философско-эпистемологические репрезентации истории: монография. М.: Энциклопедист-Максимум, 2017. 430 с.

4. Методологическое использование категории «исторический закон» затрудняет дифференциацию исторического и логического методов исследования.

Перечисленные аргументы, по нашему мнению, не являются достаточными для обоснования отсутствия в методологическом инструментарии исторической науки собственных законов. Особой исторической деятельности как предмета изучения исторической науки, безусловно, не существует. Можно использовать данное понятие в аксиологическом аспекте, для подчёркивания значимости последствий определённых действий. В социально-онтологическом же смысле историческая деятельность интегрирует в себе все возможные формы жизнедеятельности социума.

В обществе не существует в чистом виде никакого отдельного вида деятельности, не связанного с другими видами. Экономические законы испытывают на себе большое влияние политических установок, политика детерминирована идеологическими ценностями и т. д. В реальном историческом процессе всё это тесно переплетено и взаимодействует, что находит своё отражение в исторических законах. Исторический закон фиксирует связь многообразных факторов социальной ситуации в их конкретно-неповторимом виде.

Можно согласиться с тем, что исторический закон является конкретизацией социологического закона, при этом следует уточнить, что социологические законы представлены на двух уровнях теоретизации: 1) на уровне общих социологических теорий; 2) на уровне методологии конкретных социологических исследований, представляющих во многих случаях определённые эмпирические обобщения. Исторические законы конкретизируют связи между явлениями первого уровня.

В четвёртом аргументе, связанном с проблемой дифференциации исторического и логического методов исследования, явно прослеживается тенденция отождествления исторического метода с самой исторической наукой, что представляется некорректным, поскольку сама историческая наука использует в своём эвристическом инструментарии не только исторический метод, но и логический.

На основании изложенного представляется возможным выделять в методологии исторического познания особые «исторические» законы, важнейшими особенностями которых являются:

1) пространственно-временная определённость действия исторического закона, конкретизирующего специфику взаимодействия социальных связей в рамках сложившейся ситуации;

2) отражение взаимосвязи различных факторов исторического события: политических, экономических, идеологических и т. п.;

3) ретроспективность действия исторических законов, состоящая в том, что они телеологически ориентированы, главным образом, на познание прошлого. Нельзя отрицать возможного предсказательного потенциала подобных законов, но данный потенциал может раскрываться на уровне более широких теоретических обобщений, выступающих предметом широкого комплекса социальных наук (философии истории, политологии, социологии и т. д.);

4) усиление эвристической значимости исторического закона в соответствии со степенью детализации его проявления в рамках конкретной социальной ситуации. В отличие от этого эвристическая ценность социологического закона усиливается по мере его восхождения от локального уровня к всемирно историческому⁶.

Рассматривая стратегии научного исследования в социальных и гуманитарных науках, следует отметить, что в рамках проведения конкретных исследований решение стратегических задач реализуется через применение тактических методов, которые в своей совокупности позволяют достигать стратегических успехов. Это определяет значимость учёта частных методов при формировании общей стратегии проводимого исследования.

Социально-гуманитарная сфера научной деятельности располагает широкой системой узкоспециализированных познавательных методов. Примером подобных методов, узкоспециализированных, но имеющих самое широкое применение в стратегических проектах различных социальных и гуманитарных наук, могут служить методы социологического, массового и экспертного опросов, анкетирования, собеседования и т. д.

Для понимания специфики изучаемого вопроса представляется важным отличать понятие «методология проведения научного исследования» от понятия «стратегия проведения научного исследования». Эти понятия не тождественны по своему содержанию. Дифференциация данных понятий может быть осуществлена по следующим основаниям:

1) по содержательно-сущностному основанию, в соответствии с которым в отличие от «методологии проведения научного исследования»

⁶ Балахонский В. В. Принцип вариативно-моделирующего осмысления истории: гносеологический статус и методологические перспективы // Антология современной русской философии. М.: Энциклопедист-Максимум, 2017. С. 49.

представляющего собой тот методологический инструментарий (т. е. систему методов и процедур познания, которые учёных применяет в своей исследовательской практике), «стратегия проведения научного исследования» предполагает осуществление управления и планирования проводимой научной деятельностью;

2) по телеологическому основанию различие между этими понятиями проходит по целям, на которые ориентированы данные эвристические феномены: методологические цели связаны с решением конкретных познавательных задач проводимого исследования, стратегические — с достижением его главной цели (которая конкретизируется в системе задач исследования);

3) по степени универсальности: методология науки всегда носит универсальный характер, поскольку представляет собой систему общих норм и правил осуществления соответствующей деятельности; стратегия в большей степени индивидуальна и определяется конкретными условиями и целями научной деятельности.

Обобщая материал, изложенный в данном параграфе, можно сформулировать следующее определение понятия «стратегия научного исследования». В широком плане понятие «стратегия научного исследования» представляет собой искусство организации и управления проведением процесса исследовательского поиска, включающее в себя планирование и прогнозирование хода научной деятельности, выбор и эффективное применение методологического инструментария, обеспечение материальных ресурсов, необходимых для достижения соответствующих эвристических целей.

§ 3. Современные представления о структуре и особенностях методологии науки

Дальнейшее исследование будет ориентироваться на выяснение позиций западных методологов науки по важным ключевым проблемам объяснения истории: по определению объяснения; по отношению к существованию исторических законов; по выяснению специфики исторического объяснения в сравнении с естественнонаучным; по признанию возможности достижения им уровня достоверности.

Первое, на что следует обратить внимание, это сама формулировка определения исторического объяснения в работах западных авторов. Помимо того что подобное определение представляет собой своеобразный итог исследовательских поисков ученого, результат

осмысления им данного феномена, это и ориентация направления его последующей работы, своего рода фиксация методологической установки на будущее.

Обратимся к анализу определений объяснения истории, содержащихся в работах западных философов.

К. Поппер⁷ предлагает модель объяснительной процедуры, включающую в себя определённые законы и положения об условиях реализации этих законов в действительности. Подобная модель, получившая название «модель Поппера-Гемпеля», представляет несомненный вклад в развитие методологии научного познания. Следует учесть, что К. Поппер отрицает наличие в общественной жизни детерминированности, отсюда применение «научного объяснения» к истории приводит его к выводу, что последняя не является наукой в полном смысле этого слова.

Аналогичную позицию по отношению к объяснению истории и её законам занимает американский исследователь Т. Кауссер⁸, который понимает методологию исторического познания не как нечто, базирующееся на универсальных законах, а как конвенциональный продукт понимания узких фактов (например, что рабство было в целом выгодно для рабовладельцев).

К. Гемпель пишет, что под объяснением обычно понимают ссылку на причины или определяющие факторы данного события⁹.

У. Дрэй высказывает мнение, что для историка простая констатация происшествия по форме: «это было то-то и то-то» — уже есть объяснение, даже не вдаваясь в вопросы «почему» и «как»¹⁰.

П. Ленгам полагает, что объяснение разрешает недоумение, почему агент поступил именно так¹¹.

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс, 1992. 448 с.; Его же. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 528 с.; Его же. Ницше и историцизма. М.: Прогресс, 1993. 187 с.

⁸ Kousser J. Quantitative Social-Scientific History // The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States. Itaca-Lnd. 1980. P. 446.

⁹ Гемпель К. Мотивы и «охватывающие законы» в историческом объяснении // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.

¹⁰ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

¹¹ Об этом см.: Балахонский В. В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты: монография. Пенза: РГПУ имени А. И. Герцена, 1997. С. 48; Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.

П. Ноуэлл-Смит отмечает, что объяснение должно делать вещи ясными, понятными¹².

Гелли сравнивает объяснение с филологическим толкованием¹³.

К. Гемес трактует объяснение как унификацию¹⁴.

Данные определения содержат характерные для всей западной методологической традиции особенности подхода к историческому объяснению: 1) нечеткость формулировки самого понятия исторического объяснения; 2) определение его через внешние функции (Ленгам, Ноуэлл-Смит); 3) отсутствие категории сущности, как необходимого элемента определения объяснения; 4) сведение исторического объяснения к другим исследовательским процедурам (Дрэй) или к лингвистическим методам (Гелли); 5) определенную ориентацию на обыденный уровень рассмотрения данного понятия. Имеются в виду анализ употребления понятия «объяснение» в обыденном языке, а также формулировка самого определения в терминах обыденного сознания (Ленгам, Ноуэлл-Смит, Тодд).

Из перечисленных особенностей наиболее важной представляется третья, т. е. отсутствие категории сущности как необходимого элемента определения исторического объяснения. В известной степени она обуславливает остальные пункты, закладывает определенную методологическую ориентацию исследования.

Продолжающаяся уже несколько десятилетий дискуссия между сторонниками объяснения «через закон» (Гемпель, Ленгам, Мерфи, Фетцер, Экстел и др.) и объяснения «через мотив» (Дрэй, Вригт, Гуд, Фейн, Аллен, Адемс, Фаллер, Вильсон и др.) также связана с рассматриваемым положением. Действительно, если объяснение не представляет собой раскрытие сущности, то оно возможно и без посредства законов. Достаточным в этом случае будут ссылки на мотивы, чувства, верования агента; исследование же моментов, определяющих сами мотивы, чувства, верования (т. е. соответствующих законов), не предполагается.

Американская буржуазная «психоистория»: критический очерк. Томск, ТГУ, 1985. 273 с.

¹² Nowell-Smith P. H. The constructionist Theory of History // History and Theory, 1977. Vol. 16. № 4. P. 1–28.

¹³ Могильницкий Б. Г.; Николаева И. Ю.; Гульбин Г. К. Указ. соч. С. 149–153.

¹⁴ Gemes K. Explanation, unification, and content // Nous. Bloomington, Vol. 28. № 2. P. 225–240.

Один из основоположников современной западной методологии исторического познания Р. Дж. Коллингвуд¹⁵ считал всю историю историей мысли и делал вывод, что единственный предмет исторического познания суть мысли, которые историк может воспроизвести в своем сознании. Данная позиция получила дальнейшее развитие в трудах А. Донагана, Х. Фейна, М. Кримминса, Дж. Хобса, П. Моузера и других философов.

Можно констатировать доминирующее положение, которое занимают психологические, мотивационные подходы по сравнению с социально-политическими и экономическими в объяснениях исторических событий западными философами.

Обобщая рассмотренные подходы западных философов к пониманию процедуры объяснения истории, следует констатировать, что вопрос о специфике именно исторического объяснения остался открытым, поскольку результатом многочисленных дискуссий явился диаметрально противоположный разброс мнений: от отождествления исторического объяснения с естественнонаучным до их абсолютного противопоставления друг другу.

Интересна в этом отношении выделенная И. Берлином¹⁶ специфика исторического объяснения, включающая нестрогость, расплывчатость, использование повседневного языка и оценочность. Перечисленные моменты отражают определенные особенности объяснения, которое в исторических работах, как правило, действительно, не выделяется в общем повествовании. Но эта констатация применительно к целому ряду случаев отражает лишь слабость объяснительных процедур в истории, и ее фиксация в качестве специфики ведет к методологическим установкам, ограничивающим эффективность объяснения.

Принципиально важным для понимания специфики объяснения в истории является вопрос о его объекте.

Для англоязычной философии истории характерно введенное У. Уолшем¹⁷ различие между двумя значениями термина «история»: а) это вся сумма прошлых человеческих действий; б) это повествование

¹⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

¹⁶ Berlin I. History and Theory: The Concept of Scientific History // History and Theory, 1960. Vol. 1, № 1. P. 1–32.

¹⁷ Walsh, W.H. Truth and Fact in History Reconsidered // History and Theory, 1977. Vol. 16. № 4. P. 53–71.

или сообщение, которое мы конструируем о них сейчас. Основанное на этом принципе различие между «спекулятивной» и «критической» философией истории стало, по мнению П. Гардинера¹⁸, частью ортодоксальности англо-американской философии.

Значительная часть представителей современной западной методологии исторического познания утверждает, что объектом истории является не само прошлое, а только современные следы и остатки прошлого. Данное положение содержит верную мысль, состоящую в том, что историк не может непосредственно изучать прошлое, эта задача реализуется через анализ исторических источников. Но сами эти источники (или «следы», «остатки» прошлого) имеют свое значение для истории лишь в плане изучения того фрагмента исторической реальности, который они представляют.

Свое логическое завершение подобные взгляды находят в конструкционистских теориях Л. Гоулдстейна¹⁹, в которых исследовательский процесс предстает как мысленное конструирование прошлого на основании настоящих свидетельств о нем, причем под прошлым здесь понимается не независимая от познающего субъекта реальность, а производная от него мыслительная конструкция.

Данная позиция подкрепляется заявлениями о смерти прошлого, исчезновении связи между прошлым и настоящим. Например, Дж. Пламб²⁰ в своей работе «Смерть прошлого» пишет, что сила прошлого во всех областях жизни много слабее, чем это было поколение назад. Действительно, немногие общества когда-либо имели так быстро прогрессирующее исчезновение прошлого, как это.

Важно отметить, что указанные взгляды вызвали обширную критику со стороны многих западных ученых, причем критику, носящую детальный характер, но в этом-то и состояла её слабость, так как, по справедливому замечанию Р. Аткинсона²¹, данные взгляды менее неправильны в деталях, чем в принципе. Они — ненужное, хотя

¹⁸ Gardiner, P. History, philosophy of // Macropaedia. Vol. 8 of the New Encyclopaedia Britannica. 1974. P. 961–965.

¹⁹ Goldstein L. J. History and the Primacy of Knowing // History and Theory, 1977. Vol. 16, № 4. P. 29–52.

²⁰ Об этом см.: Могильницкий Б. Г. Западная историческая мысль и марксизм (1960–1970-е гг.) // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. II Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 468 с.

²¹ Atkinson R. F. Knowledge and explanation in history: An introduction to the philosophy of history. L.: Mac-Millan Press, 1978. X, 229 p.

и тщательно разработанное решение псевдопроблемы. Правда, сам Аткинсон не ставит перед собой задачи рассмотрения вопроса в положительном аспекте, считая, что попытки обобщения об установлении положений о прошлом едва ли могут подняться выше банальности, что, безусловно, свидетельствует об ограниченности его подхода. Более того, он находит сомнения относительно реальности прошлого достаточно обоснованными, выделяя два источника скептицизма по данному вопросу: первый — психологический, состоящий в невозможности для человека познать многие моменты прошлого, которые он хотел бы знать, и второй — лингвистический, который он видит в неопределенности расположения абстрактных существительных «прошлое», «настоящее» и «будущее» в логико-лингвистическом плане.

Одной из центральных проблем методологии исторического объяснения в западной философии является вопрос об исторических законах. Как уже отмечалось, в западной философии истории имеют место две противоположные тенденции в подходе к историческому объяснению: первая — признает функционирование данной процедуры лишь на основе и при посредстве научных законов; вторая — понимает объяснение лишь как раскрытие мотивов, чувств, верований, мыслей агентов. Первая тенденция связана, в основном, с именем К. Гемпеля²², вторая — с У. Дрэй²³.

Подобное традиционное разграничение, прочно утвердившееся в нашей литературе, несмотря на его определенное стремление к упрощению, в целом, верно отражает позиции сторонников и противников научных законов в историческом объяснении. Но действительность всегда богаче любой теоретической схемы, поэтому данное различие не должно абсолютизироваться.

Приведенное положение представляется важным для понимания последующей эволюции рассматриваемой дискуссии. Анализ более поздних работ представителей западной философии истории даёт возможность сделать вывод об известном компромиссе между конфликтующими концепциями (Адельман, Аткинсон, Ачинстейн, Ленгам, Мандельбаум и др.).

²² Гемпель К. Мотивы и «охватывающие законы» в историческом объяснении // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.

²³ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

Рассмотрим в качестве примера взгляды С. Биера²⁴, который указывает, что «причинное объяснение и проигрывание в воображении не взаимоисключающие, а альтернативные методы. Более того, они взаимозависимы, и исследователь общества... всегда будет применять их оба... Причинное объяснение будет включать в себя воображаемое проигрывание. Я имею в виду использование последнего в качестве метода установления смысла действий агентов».

Обратимся к взглядам той части западных философов, которые признают использование законов в методологии исторического объяснения. Что же они понимают под термином «закон» в данном случае?

Дж. Фетцер считает, для того чтобы иметь титул «закона», высказывание не должно охватывать большого и разнообразного класса случаев: «Для этого необходимо, чтобы при соответствующих условиях, если в дело включены определенного типа агенты, их поведение было, в общем, таким, как и можно ожидать. И это не только в данном конкретном случае..., но и в любой ситуации, сходной с рассматриваемой в существенных аспектах»²⁵.

М. Мерфи понимает под законом просто общее высказывание в историческом тексте²⁶.

М. Скрайвен употребляет применительно к историческому объяснению термин «трюизм», т. е. общее утверждение, которое не является ни универсальным, ни статистическим законом²⁷. Примеры трюизмов: «Государи обычно не вторгаются на соседние территории, если они удовлетворены тем, что имеют», являются более сильными, чем статистические законы, они определяют какой-то нормальный стандартный случай.

М. Оукшот, В. Уолш, П. Гардинер и П. Ноуэлл-Смит представляют себе обобщения историков в качестве «резюме» в конце реального процесса объяснения²⁸.

²⁴ Beer S. H. Causal Explanation and Imaginative Re-enactment // History and Theory, 1963. Vol. 3, № 1. P. 6–29.

²⁵ Fetzer J. H. On the Historical Explanation of Unique Events // Theory and Decision. An international journal for philosophy and methodology of the sciences. Dordrecht (Holland): Reidel, 1975. Vol. 6, № 1. P. 87–97.

²⁶ Murphy M. Our Knowledge of the Historical Past. Indianapolis; N.Y.: Bobbs-Merrill, 1973. VI. 209 p.

²⁷ Scriven M. Reforming the Evaluation of Research: New Directions for Evaluation, Number 118. San Francisco : Jossey-Bass, 2008.

²⁸ Oakeshott M., Experience and Its Modes. Cambridge: Cambridge University Press, 1933; Walsh W. H. Truth and Fact in History Reconsidered // History and Theory, 1977.

Р. Аткинсон заменяет закон терминами «регулярность» и «обобщение»²⁹.

Следовательно, под законом в западной методологии истории понимается довольно нестрогое обобщение, основывающееся на повторяемости в сходных ситуациях. Р. Аткинсон формулирует в связи этим серьезную проблему исторического познания: любой, кто берет термин «закон» вполне серьезно, признавая то, что он подразумевает строгую универсальность и теоретическую точность, едва ли обнаружит законы в исторических контекстах. Вместе с тем он отмечает, что альтернативные термины «регулярность», «обобщение» и т. п., хотя и представляют собой меньшую причину для беспокойства об их применимости в истории, но могут вызвать другое сомнение, основанное на строгом понятии объяснения: могут ли просто регулярности и обобщения объяснять?

Данная позиция смыкается, по существу, с критикой со стороны антигемпелевских концепций. Так, У. Дрэй считает, что если предлагаемый закон является слишком общим, он не вызывает методологического интереса, если же он «спускается с небес», то становится возможным отрицать его. Он приводит пример такого закона: «Власти, которые игнорируют интересы своих подданных, становятся непопулярными»³⁰. Далее У. Дрэй анализирует возможности спецификации и конкретизации предлагаемых имплицитных законов, но считает, что подобная переформулировка и уточнение имплицитного закона являются почти бесконечным процессом, и что историк не обязан принимать ни один подобный закон.

Теперь обратимся к отношению западных философов именно к «историческим» законам. К. Поппер полагает, что не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. История характеризуется скорее своим интересом к действительным единичным событиям, чем к законам и обобщениям³¹.

Vol. 16. № 4. P. 53–71; Gardiner P. History, philosophy of // Macropaedia. Vol. 8 of the New Encyclopaedia Britannica. 1974. P. 961–965; Nowell-Smith P. H. The constructionist Theory of History // History and Theory, 1977. Vol. 16. № 4. P. 1–28.

²⁹ Atkinson R. F. Knowledge and explanation in history: An introduction to the philosophy of history. L.: Mac-Millan Press, 1978. P. 79–81.

³⁰ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

³¹ Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. С. 49–53.

Его точку зрения разделяют Х. Уайт и А. Донаган, к ним по этому вопросу, как правило, примыкают представители нарративизма, которые критикуют гемпелевскую теорию исторического объяснения, заменяя понятие исторического закона понятиями «тема», «паттерн», «схема» (Ноуэлл-Смит) или «линия» рассказа (Фейн)³².

Упоминая П. Ноуэлла-Смита, следует отметить определенную непоследовательность в его взглядах. Так, отрицая роль исторических законов в историческом объяснении, он вместе с тем признает их частичную истинность и даже пытается дать определенную классификацию исторических обобщений по степени их важности. Первыми у него выступают психологические обобщения, затем экономические и политические. Подобное стремление создать типологию социальных законов заслуживает одобрения, но сама она представляется весьма спорной и нуждающейся в конкретизации и обосновании³³.

Р. Аткинсон в целом также примыкает к данной тенденции, хотя и объясняет это отсутствием в истории лучших, сложных и усовершенствованных законов, которые, впрочем, могут быть открыты в будущем³⁴.

Тенденции отрицания исторических законов в историческом объяснении противостоят лишь немногие отдельные работы современных авторов, признающих существование и необходимость данных законов. Но, как отмечает А. А. Порк, эти работы недостаточно аргументированы, в них отсутствуют конкретные исторические примеры, не выяснена проблема имплицитной ссылки на закон³⁵.

В этом случае прослеживается определенный разрыв традиций между признанием исторических законов, характерным для многих философов XX в., например, В. Вундта и К. Брейзига, которые приводят в своих работах многочисленные формулировки этих законов,

³² White H. V. The historical text as literary artifact // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding. Madison; Wisconsin: Wisconsin University Press, 1978. P. 149–165; Danagan A. Historical Explanation: The Popper-Hempel Theory Reconsidered // History and Theory, 1964. Vol. 4, № 1. P. 3–26.

³³ Nowell-Smith P. H. The constructionist Theory of History // History and Theory, 1977. Vol. 16. № 4. P. 1–28.

³⁴ Atkinson, R.F. Knowledge and explanation in history: An introduction to the philosophy of history. L.: Mac-Millan Press, 1978. P. 151.

³⁵ Порк, А. А. Историческое объяснение: Критический анализ немарксистских теорий. Таллин: Ээсти раамат, 1981. С. 96.

и отрицанием их в произведениях большинства современных методологов науки³⁶.

Обратимся к примерам исторических объяснений, которые анализируются в работах западных философов.

К. Поппер, говоря о разделе Польши в 1772 г. вследствие того, что она не могла противостоять объединенным силам России, Австрии и Пруссии, в качестве имплицитного закона эксплананса приводит следующее универсальное положение: если из двух армий, которые приблизительно одинаково вооружены и имеют равноценное командование, одна имеет подавляющее численное преимущество, то другая не может победить³⁷.

У. Дрэй берет экспланандум: «Людовик XIV умер непопулярным» и объясняет его, опираясь на закон эксплананса, связывающий непопулярность этого короля с проводимой им политикой, вредной для национальных интересов французов³⁸.

В этих примерах ясно видно несоответствие эксплананса экспланандуму, неспособность выполнения данным экспланансом своих функций в историческом объяснении.

Принципиально важными представляются возражения некоторых современных методологов науки против самой возможности установления эквивалентности эксплананса экспланандуму. Так, Р. Аткинсон считает, что в случаях прикладных наук мы обладаем много более ясным знанием видов вещей, которые могут или не могут быть равными, и, что более важно, часто знаем это равенство или знаем, как его обнаружить. Напротив, в исторических случаях не может быть ясного понятия о том, что отсутствует, и, следовательно, мало представления, как приступить к восполнению этого³⁹.

Западные философы раскрыли важную специфическую особенность исторического познания, состоящую в возможности объяснения лишь общественнозначимых исторических явлений. Данное

³⁶ Вундт В. Социальные законы // Философия истории. Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 144–149; Брейзиг К. Законы мировой истории // Философия истории. Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 150–157.

³⁷ Поппер К. Указ. соч. С. 75.

³⁸ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 49.

³⁹ Atkinson R. F. Knowledge and explanation in history: An introduction to the philosophy of history. L.: Mac-Millan Press, 1978. С. 114.

ограничение признается многими западными авторами. У. Дрэй указывает, что индивидуальные поступки как таковые лежат вне круга интересов настоящего историка и что они включаются в историю лишь в той мере, в какой они имеют «общественное значение». Аналогичную мысль проводит Р. Аткинсон: история не имеет дело с событиями, действиями, агентами, как таковыми, но только с тем, что имеет определенное социальное значение. Э. Гарфинкел полагает, что любое объяснение никогда полностью не раскрывает всех сторон объясняемого явления, а лишь самое главное в нем⁴⁰.

Вместе с тем такая характерная черта многих современных методологов науки и в первую очередь неопозитивистов, как игнорирование значимости теоретических положений общих концепций исторического процесса, резко ограничивает возможности оценки событий прошлого при его объяснении. Это подтверждается противоречием между указанным взглядом У. Дрэя и его практическим примером исторического объяснения. Он указывает на то, что для объяснения, почему данный средневековый рыцарь был кривоногим, не требуется, чтобы все рыцари были кривоногими. Причинное объяснение отдельного события вполне возможно без применения закона. Объяснение факта, почему данный рыцарь был кривоногим, может носить медицинский или иной внеисторический характер, но не должно рассматриваться как историческое объяснение ввиду своей малой значимости для истории. Если предположить, что данный факт все же имеет известное значение в определенном историческом контексте, то и в этом случае объяснение будет даваться всей совокупности фактов, всему фрагменту исторической реальности, а не этому отдельному моменту.

Обратимся к взглядам Р. Коллингвуда, а именно к его различению исторических и неисторических событий. Процесс жизнедеятельности людей он рассматривает как природный процесс, следовательно, всё, что сюда относится, неисторично. Историк же интересуется социальными обычаями, которые он создаёт своей мыслью как рамками, в пределах которых эти потребности находят свое удовлетворение способами, санкционированными условностями и моралью⁴¹. Подобный подход не даёт объективного критерия выделения исторически значимого, поскольку не учитывает многочисленные

⁴⁰ Garfinkel A. Forms of explanation: The questions in social theory. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1981. P. 75.

⁴¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 187.

ситуации, в которых объяснение факторов жизнедеятельности людей играет определяющую роль.

Для многих представителей «критической философии истории» (Г. Вригт, Х. Фейн⁴² и др.) характерна известная абсолютизация такой особенности методологии исторического объяснения, как наличие в его структуре телеологического момента. В основном этой позиции придерживаются ученые, признающие лишь объяснение «через мотив».

Для сторонников других концепций свойственно различие исторического объяснения в терминах «причины» и «следствия», т. е. соотнесения событий с общими законами и объяснения в терминах «намерений» и «целей». Таким образом, телеологический момент здесь не отрицается, а выделяется в самостоятельный вид объяснения, что, по сути, опять же ведёт к его абсолютизации и одновременно игнорированию в определенных видах объяснительных процедур.

Подобное положение обусловлено общей методологической установкой на рассмотрение лишь однофакторного объяснения, а не системы объяснений, т. е. полного исторического объяснения, хотя только на основании изучения последнего можно выявить специфику объяснения истории, раскрыть его сущность.

Данная методологическая установка определяет весьма ограниченное понимание комплексности объяснения, характерное для многих западных ученых. Обратимся к примеру, приведенному У. Дрэм, который указывает, что историческое объяснение распространения европейской цивилизации на Америку... будет включать в себя подробное исследование, главным образом, с точки зрения осознанных целей, действий и мотивов бесчисленных индивидов и групп: французских иезуитов и английских пуритан, Колумба, Кольбера, Рэли и Филиппа II, торговцев пушниной, исследователей и золотоискателей, изголодавшихся по земле крестьян и множества других. В этом примере комплексность связывается лишь с широтой охвата мотивов наибольшего числа участников исторического события и не распространяется на глубину проникновения в сущность этого события, требующего осуществления объяснения с позиции учета различных факторов исторического процесса.

Раскрытие западной методологией исторического познания такой специфической особенности исторического объяснения,

⁴² Wright G. Explanation and Understanding. N.Y., 1971; Fain H. Between philosophy and history. The resurrection of speculative philosophy of history within the analitic tradition. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1970. XII, 329 p.

как рассредоточенность по тексту, привело к появлению «нарративизма», широко распространенного и влиятельного течения современной критической философии истории (Гэлли, Данто, Фейн, Ноуэлл-Смит, Холлоуэй и др.).

Обратимся к анализу позиций представителей этого философского направления.

Дрэй: нарратив — один из способов объяснения, и именно тот способ, который применяется историками⁴³.

Уайт: хотя нарративная структура навязывается прошлому, это единственный способ, благодаря которому прошлое может быть узнано. Хотя литературные критерии используются для оценки исторического знания, они являются продуктом человеческого воображения⁴⁴.

Минк: нарратив — главный познавательный инструмент⁴⁵.

Гормэн: история объясняется изучением литературных форм. Однако пока современные исследования исторического стиля опять затруднили взгляд на понимание исторической формы как особого вида знания⁴⁶.

Из приведенных положений следует, что:

- 1) нарратив рассматривается как типичное историческое объяснение;
- 2) он объявляется главным инструментом исторического познания;
- 3) нарратив концентрирует внимание на чисто литературных чертах исторических исследований;
- 4) в основе обоснования достоверности исторического знания лежат литературные критерии.

Тем самым представители нарративизма растворяют историческое объяснение в повествовании, подменяют первое вторым, рассматривают объяснение как функцию повествования.

⁴³ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 59.

⁴⁴ White H. V. The historical text as literary artifact // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding. Madison; Wisconsin: Wisconsin University Press, 1978. P. 149–165.

⁴⁵ Mink L. O. Narrative form as a cognitive instrument // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding. Madison; Wisconsin: Wisconsin University Press, 1978. P. 129–149.

⁴⁶ Gorman J. L. The expression of historical knowledge. Edinburgh: University Press, Cop., 1982. VIII, 123 p.

Историческое повествование, понимаемое как изложение историком достигнутых результатов исследования, действительно, тесно связано с историческим объяснением. Само повествование историка часто невозможно без предварительного продуктивного исторического объяснения, оно основывается на результатах объяснения и включает в себя его статическую структуру (хотя данная структура в конкретном повествовании часто бывает «разбросанной» по тексту и может иметь некоторые свои элементы в имплицитном виде). Вместе с тем историческое объяснение не сводится к повествованию. В историческом повествовании, помимо объяснения, находят свое отражение историческое описание, ретросказание, определение, экспликация и другие исследовательские процедуры.

Для многих современных западных авторов характерна тенденция сведения объяснения любого исторического явления к действиям отдельных личностей (К. Поппер, У. Дрэй и др.). Подобное объяснение через характеристики агентов, т. е. через мотивы, побуждения, индивидуальные особенности участников исторического действия, без привлечения исторических и общесоциологических законов, представляет собой пример «микроредукционизма», состоящего в объяснении действия законов одного уровня законами другого, более элементарного. В этом случае не учитывается, что мотивы, побуждения и т. п. не есть атрибуты самой личности, они обусловлены многими факторами, в том числе и материальными, отсюда дать научное объяснение мотивам и побуждениям возможно лишь при учете всех объективных факторов, их вызвавших, что необходимо предполагает использование социальных законов различной общности.

Дискуссионным является вопрос о статистическом объяснении. Большинство западных авторов признает статистическое объяснение полноценным научным объяснением, однако спор по этому вопросу продолжается. Так, противоположную точку зрения отстаивает Р. Аткинсон, считая, что статистические обобщения являются менее важными в истории, чем подразумевающие универсальность законы⁴⁷.

Из приведенного обзора логически вытекает вопрос о достоверности исторического объяснения.

⁴⁷ Atkinson R. F. Knowledge and explanation in history: An introduction to the philosophy of history. L.: Mac-Millan Press, 1978. P. 183.

В западной методологии исторической науки существует мнение о том, что историческое объяснение никогда не сможет приобрести статус научной истины. Подобные взгляды встречают отпор со стороны многих представителей западной философии истории. Так, Р. Аткинсон считает, что не существует принципиальной разницы между историей и науками или между социальными и естественными науками, в отношении к различию факта-мнения, различие истин / правдоподобия может быть проведено внутри класса исторических положений, а не только между этим классом и другими⁴⁸. О. Хэндлин видит зависимость призвания историка от признания абсолютной истины, которую он, впрочем, наделяет чертами скорее объективной истины. При этом философ полагает, что истина познаваема и достижима, если серьезно следовать по намеченному пути, и наука есть способ приближения к ней⁴⁹.

Что же понимают западные философы под критериями истины?

О. Хэндлин считает правила исторического доказательства в значительной степени сходными со здравым смыслом. Он ищет подобный критерий в большем числе свидетельств⁵⁰.

Л. Гоулдстейн отрицает реальные события прошлого в качестве критерия истинности исторических теорий⁵¹.

Р. Коллингвуд полагает, что таким критерием является сам историк⁵².

У. Дрэй и представители нарративизма утверждают, что это детализация повествования⁵³.

Дж. Гормэн считает исторические доказательства сводимыми в основном к предложениям, указывающим на наличие того или иного письменного или устного источника⁵⁴.

⁴⁸ Atkinson R. F. Knowledge and explanation in history. P. 196.

⁴⁹ Handlin O. Truth in history. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1979. P. 93.

⁵⁰ Там же. P. 98.

⁵¹ Goldstein L. J. History and the Primacy of Knowing // History and Theory, 1977. Vol. 16, № 4. P. 49.

⁵² Коллингвуд Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 382.

⁵³ Handlin O. Truth in history. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1979. P. 314.

⁵⁴ Gorman J. L. The expression of historical knowledge. Edinburgh: University Press, Cop., 1982. P. 96.

А. Андерсон и Н. Белнэп доказывают, что критерием истинности является уместность, рассматриваемая как имманентное свойство исторических положений⁵⁵.

Таким образом, критерий истинности исторического познания в основном сводится в западной философии к анализу источников.

Обобщая изложенное, следует отметить, что вплоть до конца XIX в. в методологии исторического познания отсутствовало стремление осознать специфику и сущность самой процедуры объяснения, она использовалась в текстах, но неосознанно. В XX в. объяснение стало объектом непосредственного внимания исследователей.

⁵⁵ Anderson A. R. & Belnap N. D. Entailment: The Logic of Relevance and Necessity. Vol. 1. Princeton. N. Y.: Princeton University Press, 1975. 542 p.

Глава 2

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Логика планирования и реализации научной деятельности

Логика планирования научной деятельности представляет собой систему регулятивных принципов организации исследовательского процесса. Это более узкое понятие по сравнению с понятием «стратегия научного исследования», поскольку связано лишь с одним узкоспециализированным аспектом стратегии — обнаружением основополагающих принципов реализации определённой стратегии в конкретизированной области её применения.

Разработка логики планирования научной деятельности представляет собой сложную и методологически важную задачу, от успешного решения которой в значительной степени будет зависеть результативность самого проводимого исследования.

Определение логики планирования научной деятельности не является продуктом субъективных установок и предпочтений учёного, она детерминирована многими объективными факторами, среди которых большое значение имеют:

- 1) специфика объекта и предмета исследования;
- 2) цели и задачи проведения исследовательского поиска;
- 3) степень сложности изучаемой проблемы;
- 4) уровень научных компетенций самого учёного;
- 5) степень разработанности данной проблемы в соответствующем направлении научного познания;
- 6) наличие общих законов мыслительной деятельности, определяющих основополагающие особенности её планирования, учитываемые всеми учёными;
- 7) общая логика проведения подобных видов научной деятельности, принятых научным сообществом в рамках действующей парадигмы, и т. д.

Несмотря на указанные факторы объективной детерминации общей логики научного исследования, в ней всегда остаётся простор для творчества учёного. Планирование научной работы предполагает прежде всего определение её целей и задач, средств достижения этой цели, а также выделение основных, логически связанных между собой этапов проведения исследовательской работы.

Общим правилом планирования этапов научной деятельности является последовательное решение задач предшествующего этапа, выступающее необходимым и достаточным основанием для перехода на следующий этап и решения эвристических задач, запланированных для него. В большинстве случаев подобное правило полностью реализуется в деятельности учёных, однако из этого правила возможны исключения, обусловленные спецификой проводимого исследования и выше перечисленными объективными факторами его детерминации.

Учёный не всегда может заранее предвидеть те проблемы и сложности, с которыми он столкнётся при проведении исследования. Сложность некоторых из этих проблем (к их числу относятся материально-ресурсные, временные, организационные и прочие проблемы, решение которых не полностью зависит от учёного) продуцирует необходимость пересмотра последовательности решаемых задач, вследствие чего задачи разных этапов спланированной научной деятельности могут решаться в иной последовательности или параллельно друг другу.

Количество планируемых этапов может быть различным, при подготовке кандидатской диссертации эти этапы могут совпадать с прогнозируемым временем написания глав и параграфов данной работы. Разумеется, планирование адъюнктом своей работы по написанию диссертации должно осуществляться при непосредственном контакте со специалистами кафедры и под руководством научного руководителя.

Осуществление планирования научной деятельности и определение общей логики проведения исследования ввиду своей сложности предполагает учёт наработанных стандартов в этой области, принятых в рамках действующей научной парадигмы, поэтому важно критически осмыслить в данном вопросе мнение специалистов по планированию научной деятельности.

Рассмотрим некоторые из подобных вариантов планирования.

Первый вариант планирования проведения научного исследования предлагает Б. А. Ашмарин, который фиксирует следующую, весьма распространённую, модель планирования последовательности осуществления этапов проведения научного диссертационного исследования:

- 1) изучение научной литературы по теме исследования и анализ практики того вида деятельности, который составляет предмет диссертации;

- 2) выбор темы диссертации и обоснование её актуальности и теоретической и практической значимости;

3) определение целей и задач проводимого исследования;
4) строгая формулировка названия диссертации;
5) формулировка гипотезы проводимого исследования;
6) составление плана исследования с прогнозируемыми этапами его реализации;

7) подбор испытуемых, выбор методов исследования, подготовка помощников, заготовка документов, организация условий, сбор материала, обработка материала;

8) оформление результатов исследования и внедрение их в практику⁵⁶.

Второй вариант планирования проведения научного исследования представлен в работах В. И. Загвязинского, который выделяет следующие этапы организации научной работы по подготовке диссертации:

1) определение темы, уточнение объекта и предмета исследования, формулировка познавательных задач, выдвижение гипотезы, определение фактуальной эмпирической базы, экспликация ведущей идеи и замысла работы;

2) определение методов проведения исследования, верификация, осмысление и систематизация фактов, проверка изначально выдвинутой гипотезы (что предполагает её подтверждение или опровержение), формулировка и обоснование предварительных выводов, формулировка заключительных выводов (положений выносимых на защиту);

3) оформление итогового текста, отражающего результаты проведённого исследования и внедрение их в практику⁵⁷.

Третий вариант логической модели планирования проведения научного исследования представлен в трудах А. А. Хагурова и И. Н. Кузнецова. Их логическая модель планирования предполагает выделение следующих этапов:

1) концепция — теория — гипотеза;

2) перевод ключевых слов в измеряемые показатели — индикаторы;

3) определение объекта и предмета наблюдения;

4) наблюдение до введения экспериментального стимула;

5) наблюдение после введения экспериментального стимула;

⁵⁶ Ашмарин Б. А. Теория и методики физического воспитания: учебник. М.: Просвещение, 1990. 287 с.

⁵⁷ Загвязинский В. И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Academia, 2012. 208 с.

- 6) анализ результатов и оценка гипотезы;
- 7) представление результатов исследования⁵⁸.

Основное отличие третьей модели от первых двух состоит в её детализации методики проведения эксперимента, которая конкретизируется в трёх этапах данной модели (четвёртом, пятом и шестом), что представляется избыточным даже для тех стратегий проведения научных исследований, в которых эксперимент может иметь место в системе методологического инструментария.

Вызывают сомнение также первые два пункта рассматриваемой модели. В первом пункте обозначается логическая последовательность этапов исследования, идущая от формулировки общей концепции к теории и от неё к гипотезе, но это нарушает общепринятое в методологии научного познания представление о движении исследовательского процесса от гипотезы к теории, но не наоборот. Конечно, между гипотезой и теорией существует диалектическая взаимосвязь: будучи подтверждена, гипотеза сама становится научной теорией, которая, в свою очередь, может служить основанием выдвижения новых гипотез. Но эта диалектика работает только в широком историческом контексте развития научного познания, в рамках отдельно проводимого конкретного научного исследования теория не может предшествовать собственной гипотезе.

Во втором пункте, посвящённом переводу ключевых слов в измеряемые показатели — индикаторы, имеет место абсолютизация значения подобного вида научной деятельности, что может иметь значение при написании научной статьи, но не обладает универсальностью в общей логике организации подготовки диссертационных работ.

Проводя сравнительный анализ всех трёх вариантов логических моделей планирования проведения научного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Общим атрибутом этих моделей выступает этап выдвижения гипотезы, логически предваряющей ход дальнейшего исследования. Но подобная, изначально сформулированная по отношению к будущему процессу исследования, гипотеза имеет смысл лишь при условии её экспериментальной верификации. Но эксперимент, как мы увидим

⁵⁸ Хагуров А. А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 205 с.; Кузнецов И. Н. Научное исследование: методика проведения и оформление. М.: Дашков и К0, 2006. 460 с.

ниже, применим не во всех науках. Изначально сформулированные гипотезы, не получив своего экспериментального подтверждения, «зависают в воздухе», так и не превращаясь в научные теории.

Одной из причин этой методологической проблемы выступает многозначность толкования понятия «гипотеза», которое имеет как минимум два основных значения: 1) форма научного познания, представляющего собой целостную систему научных представлений и их подтверждений, характеризующегося недостаточной доказанностью (в этом значении гипотеза соотносится по своему содержанию с научной теорией и, будучи доказанной, гипотеза сама становится научной теорией); 2) научное предположение.

В методологии современной науки большее распространение получило второе (узкое) понимание смысла гипотезы, которое отождествляет в данном случае «часть» и «целое», гипотезу — как достаточно развёрнутую в содержательном плане целостную систему представлений и лежащее в её основе гипотетическое предположение.

Эта терминологическая нестыковка порождает ошибочное представление о том, что любое научное исследование должно начинаться с выдвижения гипотезы, но это не так: ни в первом, ни во втором (узком) значении данного термина. В широком смысле доказанная гипотеза, ставшая научной теорией, представляет собой завершающий этап научного исследования и стремление её сформулировать перед началом научного поиска логически некорректно. В узком смысле гипотеза как гипотетическое предположение также не может иметь универсальной представленности в любом проводимом исследовании, поскольку учёный далеко не всегда изначально априорно знает, что он откроет в результате своей познавательной деятельности.

На основании этого можно заключить: 1) изначальное выдвижение гипотезы до самого проведения исследования не является обязательным элементом планирования научной деятельности; 2) выдвижение гипотезы в начале исследования имеет смысл лишь при условии её последующей экспериментальной верификации.

2. Эксперимент, призванный подтвердить изначально известную учёному гипотезу, не может иметь универсальный статус в логике организации научной деятельности. Действительно, в каких-то направлениях научного познания эксперимент является важнейшим методом познавательной деятельности. К таким направлениям относятся, прежде всего, физика, химия, биология, педагогика, психология, судебно-экспертная

деятельность и т. д. Наряду с этими науками существуют направления научного поиска, не предполагающие возможности проведения экспериментов. Примерами подобных наук являются философия, теория государства и права, многие конкретные отрасли юриспруденции, политическая экономия, историческая наука и др.

В связи с этим можно сформулировать определённую закономерность: чем более абстрактна и теоретична наука, тем меньше возможности использования в ней экспериментальных методов проведения исследований, и наоборот. Данная закономерность носит универсальный характер и действует даже в тех науках, в которых практика экспериментирования важна и востребованна. Примером этого является теоретическая физика, выходящая на уровень осмысления бесконечного Космоса, т. е. бесконечно далеко за границы возможностей практической проверки своих гипотез. А эксперимент — это важнейший метод эмпирического уровня исследований, и за рамками практики он не применим. Для снятия этого очевидного противоречия было придумано новое понятие «мысленный эксперимент», которое никоим образом не коррелируется с самой сущностью эксперимента.

На основании этого можно утверждать, что проведение эксперимента не является универсальным и обязательным этапом любого научного исследования, следовательно, не может быть атрибутивным элементом логических моделей планирования проведения научного исследования.

3. Из трёх рассмотренных моделей наиболее полно раскрывает практические реалии планирования проведения научного исследования первая логическая модель.

Корректируя терминологические неточности проанализированных моделей, представляется целесообразным заменить термин «гипотеза» на понятие «замысел», которое подразумевает основополагающую идею, объединяющую все структурные компоненты общей логики планирования проведения научного исследования. Подобный замысел действительно предваряет любой процесс исследовательской деятельности.

Замысел исследования служит основой и организующим принципом построения логики планирования будущей научной работы. На основе первичного замысла учёный осознаёт проблемность интересующего его направления научного поиска, определяет объект и предмет исследования, формулирует тему реализуемого научного проекта, устанавливает цель и задачи исследования, подбирает методологический инструментальный проводимого исследования.

§ 2. Анализ научно-методической литературы

Любое научное исследование начинается с изучения истории вопроса, с анализа научной литературы, посвящённой интересующей учёного тематике. Лишь изучив то, что было создано и открыто предшественниками, исследователь способен внести собственный вклад в науку, сделать следующий шаг в развитии научного познания.

Работа с литературой и другими источниками информации предполагает последовательное решение следующих задач:

— обнаружение значимых с позиции темы исследования источников информации (монографий, статей, журналов, пособий, ресурсов интернета и т. д.) и их объединение и систематизация в соответствии со структурой работы (тематикой глав и параграфов) в соответствующую картотеку;

— изучение и анализ собранных источников, а также их критическое осмысление (критичность анализа изучаемых источников в данном случае не предполагает ограничиваться обнаружением их недостатков, хотя и этот результат весьма значим в практике проведения диссертационного исследования, основной задачей критики источников является обнаружение их эвристически ценного содержания);

— обобщение, обоснование и систематизация полученной информации и эмпирических данных, выявление сформировавшихся в науке общих тенденций интерпретации изучаемых феноменов, формирование обзора научной литературы по теме исследования (в её последующим включением в раздел «степень разработанности проблемы» введения в диссертацию и автореферат).

Эффективный поиск и изучение научной литературы позволят осуществить государственные библиотеки (Российская национальная библиотека, Библиотека Российской Академии наук (БАН), президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина и др.), библиотеки образовательных организаций. Работа в библиотеке или читальном зале с научной литературой предполагает овладение навыками поиска нужных источников при помощи соответствующих каталогов, позволяющих быстро обнаружить необходимые источники, установить их библиотечные шифры и заказать их предоставление для последующей работы.

Библиотечные каталоги могут быть трёх основных видов:

1. Алфавитный каталог, фиксирующий всю имеющуюся в библиотеке литературу всех научных направлений и жанров, в соответствии с алфавитным порядком, последовательность размещения карточек

определяется по первым буквам фамилии автора (в случае с однофамильцами — по инициалам) или по первым буквам названия книги.

2. Систематический каталог, группирующий источники по отдельным направлениям науки и научного познания.

3. Предметный каталог, дифференцирующий научные источники по наименованию направлений тематических исследований, сгруппированные в алфавитном порядке.

4. Каталог периодических изданий, фиксирующий научные журналы и газеты, получаемые библиотекой и хранящиеся в её фондах (как правило, периодические издания, вышедшие в течение текущего года, представлены в библиотеках на открытом доступе и с ними можно работать без предварительных заказов).

5. Каталог журнальных и газетных статей, содержащий сведения о всех публикациях представленных в периодических изданиях.

При работе с библиотечными каталогами следует учитывать, что наиболее новую научную информацию, изданную в последнее время, следует искать прежде всего в научных статьях журналов и сборников, а не в монографиях, поскольку подготовка и издание монографии занимает гораздо больший период.

Представляется целесообразным выработать следующий алгоритм поиска научной литературы:

1. Если вы знаете фамилию автора необходимой вам книги или название работы без указания в выходных данных, в которых указано авторство, следует обратиться к поиску источника в алфавитном каталоге.

2. Если вы ищете информацию по конкретному направлению научного познания и вас интересуют все имеющиеся в библиотеке публикации (монографии, статьи, пособия, статистические сборники и т. п.), её следует искать в систематическом каталоге.

3. Если вас интересует информация по конкретному, узкоспециализированному вопросу определённой тематики (возможно на стыке наук, в области межпредметных исследований), то вы должны искать её в предметном каталоге.

4. Если вам нужна информация, представленная в периодических изданиях в форме соответствующих статей, то вы сможете её обнаружить в систематическом или предметном каталогах журнальных и газетных статей.

Многообразие источников печатной научной информации можно условно подразделить на десять основных групп:

- 1) периодическая научная и методическая литература;
- 2) непериодическая научная и методическая литература;
- 3) труды, сборники, материалы конференций и семинаров;
- 4) диссертации и авторефераты к ним;
- 5) отчеты о научно-исследовательских работах;
- 7) патентная информация;
- 8) информационная литература, справочники, энциклопедии;
- 9) планово-отчетная документация (по ГОСТу);
- 10) другая непериодическая литература.

В последние десятилетия произошёл коренной перелом в средствах получения научной информации, он связан с появлением и широким распространением интернета, постоянно возрастающими ресурсами, которые позволяют обеспечить почти мгновенный доступ к желаемой информации. Это намного упростило проблему поиска необходимых источников, которые стало возможным «скачать» на свой персональный компьютер, не выходя из дома, без обращения к услугам научных библиотек. Однако в настоящий момент далеко не вся научная литература оцифрована и представлена в интернете, существуют издания, которые никогда там не появятся (например, научная литература с грифом секретности), не все источники представлены в интернете в свободном доступе, происходит коммерциализация ресурсов интернета, и за получение определённой информации может устанавливаться соответствующая оплата.

Лёгкость и быстрота доступа к определённой информации в интернете реализуется в полном объёме лишь по отношению к фактуальному знанию, к которому относятся исторические даты, факты, описания определённых событий и т. п. Но отправив поисковый запрос на информацию аналитического характера, предполагающего соответствующие объяснения, интерпретации или оценки, можно получить на выбор список из сотен тысяч источников, изучить которые не хватит всей человеческой жизни. Тем самым быстрота и лёгкость получения фактологической информации, которая с научной достоверностью и точностью может быть исчерпывающе представлена в самых первых результатах поискового запроса, компенсируется большой сложностью обнаружения необходимой информации в значительном массиве сопутствующих источников, имеющих сходную тематику.

Описанную ситуацию усложняет недостоверность многих источников информации, представленных в интернете, и низкий уровень

научной квалификации её создателей. Эта проблема требует от исследователей неизмеримо большего критического отношения к материалам, размещённым в интернете, по сравнению с материалами, написанными квалифицированными учёными, и изданными в рецензируемых печатных источниках.

Подобное положение позволяет утверждать, что интернет как источник научной информации в обозримой перспективе не сможет заменить научные библиотеки.

Следует уточнить само понятие научной публикации как важного источника соответствующей информации.

Научной публикацией считается изданное типографским способом или представленное на электронных носителях произведение одного или группы авторов, отражающее результаты проведённых научных исследований и обладающее номером ISBN или ISSN, имеющее редактора и установленный тираж. Научная публикация должна соответствовать принятым в научном сообществе стандартам построения и оформления текста, библиографического описания используемых источников, иметь корректно оформленный научный аппарат.

Важными видами научных публикаций являются:

1) научные монографии, представляющие собой результаты фундаментальных научных исследований с углублённым изучением одной (моно) или нескольких взаимосвязанных тем, написанных одним или несколькими авторами;

2) главы в научных монографиях, представляющие конкретизации общей тематики монографии применительно к решению определённой познавательной задачи;

3) статьи в научных журналах, посвящённые теме отдельного научного исследования и информирующие научное сообщество о его результатах. Научная статья может быть написана одним или несколькими авторами, она должна содержать развёрнутую аргументацию излагаемых положений. Статьи в научных журналах проходят рецензирование, без положительного результата которого не допускаются к публикации;

4) статьи в научных сборниках, которые могут издаваться по материалам проведённых научных конференций либо формироваться на основе общей тематики, объединяющей группу исследователей;

5) рецензии в научных журналах, представляющие собой изложение результатов критического анализа других научных публикаций (монографий, статей и т. д.);

6) учебники, ориентированные на доступное для соответствующей образовательной аудитории изложение научных знаний по конкретной области науки;

7) учебные пособия, являющиеся вспомогательным по отношению к учебнику изданием, содержащим систематизированное изложение научных знаний, и ориентированные на использование в образовательных целях, для концентрации внимания обучающихся на определённых разделах изучаемого курса;

8) комментарии к законам, представляющие собой интерпретации формулировок нормативных актов, осуществляемые профессиональными юристами или коллегиальными субъектами юридических отношений (например, Верховным Судом Российской Федерации);

9) предисловия, введения, заключения, комментарии к научным изданиям. Предисловие к публикации предваряет основной текст и содержит комментарии по его поводу, подготовленные самим автором либо редактором, издателем, критиком и т. п. Введение, в отличие от предисловия, представляет собой неотъемлемую часть самого произведения и пишется только автором (либо одним из авторов). Во введении, как правило, формулируются цели и задачи данной работы, определяется её адресная аудитория. Заключение является логическим продолжением введения, в нём автор подводит итог проведенного исследования, обобщает основные результаты решения научных задач и намечает дальнейшие перспективы развития данной темы;

10) тезисы докладов на научных конференциях, особенность которых состоит в краткой, текстуально неразвёрнутой фиксации основных идей по теме проведённого исследования или доклада, сделанного на научной конференции. Тезисы и статьи могут не отличаться по своему объёму. Основные различия между ними могут быть проведены по следующим основаниям: 1) по статусу издания, в котором опубликованы данные материалы (если издание имеет статус сборника статей, то это статья, если сборника тезисов, то это тезисы); 2) по наличию научного аппарата (тезисы, как правило, не содержат в себе ссылок на источники и использованную литературу).

Выделяют две основные группы научных публикаций.

Первую группу составляют научно-исследовательские публикации, связанные с презентацией результатов проводимых исследований. В эту группу публикаций входят: научные монографии, статьи (посвящённые тематике проводимых исследований), методические

разработки и рекомендации (содержащие вспомогательный материал, излагающий результаты научных исследований), тезисы докладов и материалы научных конференций (выступающие презентацией кратко сформулированных научных идей по теме исследования), сборники научных трудов.

Вторую группу образуют источниковедческие публикации, содержащие информацию о памятниках культуры и исторических документах. Материалы публикаций этой группы проходят текстологическую обработку, имеют комментарии и пояснения, содержат вспомогательные указатели.

При подготовке к защите диссертации важно учитывать различие статуса публикуемых статей. Под влиянием международных политических процессов этот статус может несколько корректироваться, но на текущий момент сложилась следующая устоявшаяся классификация, построенная по иерархическому принципу (от высших к низшим формам):

1. Публикации в журналах и сборниках материалов международных научных конференций, входящих в международные системы цитирования Web of Science и Scopus. Публикация в этих международных журналах одновременно учитывается как публикация в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации научных работ соискателей учёных степеней кандидата и доктора наук.

2. Публикации в журналах, рекомендованных ВАК для публикации научных работ соискателей учёных степеней кандидата и доктора наук.

3. Публикации в журналах и сборниках материалов научных конференций, входящих в систему научного цитирования РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). В системе РИНЦ индексируются также монографии, патенты, диссертации, научные отчёты. Публикации, индексируемые в международных системах цитирования Web of Science и Scopus, входят в ядро РИНЦ. Следует учесть, что статьи, индексируемые в системе РИНЦ, принимаются ВАКом как публикации, учитываемые при защите кандидатских диссертаций и их можно включать в список работ диссертанта, размещаемый в конце автореферата.

4. Публикации, представленные в журналах, сборниках, монографиях, не входящих в перечисленные системы цитирования, но выпущенные с выходными данными издательства.

Основную роль в репрезентации научному сообществу результатов проводимого диссертантом исследования играют научные статьи.

Необходимым требованием к научной статье является то, чтобы она представляла собой репрезентацию нового в научном познании, обладала теоретической, аналитической или экспериментальной значимостью.

Научные статьи подразделяются на следующие виды:

1) научно-теоретические статьи, ориентированные на осмысление теоретических проблем, концептуальное обоснование научных гипотез, выявление теоретических закономерностей и объяснение на их основе причинно-следственных связей событий или явлений;

2) научно-практические статьи, направленные на решение задач, имеющих прикладную ценность, описывающих экспериментальные варианты решения научных проблем;

3) обзорные статьи, представляющие собой аналитическое рассмотрение ранее опубликованных научных трудов и фиксирующие различные подходы к решению определённых научных проблем.

Логическая схема оформления любой научной статьи предполагает:

1) сформулировать чёткое название вашей статьи, соответствующее области ваших научных интересов и отражающее содержание основной части статьи;

2) указать данные автора или нескольких авторов (некоторые издания требуют указания электронных адресов авторов);

3) составить аннотацию статьи, раскрывающую информацию об основном содержании работы, и выделить ключевые слова, позволяющие позиционировать смысл её основной тематики;

4) предварить основной текст статьи введением, в котором обосновывается актуальность темы, её новизна, указывается цель и задачи исследования;

5) изложить содержание статьи в её основной части, при этом следует обратить внимание на чёткое изложение результатов проведённого исследования, его методологию;

6) составить список использованных в статье источников.

Любая научная статья должна иметь правильно оформленный научный аппарат в виде цитат и ссылок на них. Оформление ссылок, как правило, осуществляется двумя основными способами:

— постраничные ссылки, оформляемые внизу каждой страницы текста;

— сквозное цитирование, осуществляемое путём указания в квадратных скобках на порядковый номер источника из списка использованной литературы в конце статьи и номера страницы цитируемого источника.

Общий алгоритм оформления библиографического описания используемых источников, актуальный и для научных статей, и для кандидатской диссертации, может быть представлен следующим образом:

1. Описание научных статей:

1) фамилия и инициалы автора (или авторов статьи);

2) название статьи;

3) одна косая линия (/), после которой приводятся сведения об авторской ответственности, как правило, состоящие в указании инициалов и фамилии(й) автора(ов);

4) две косые линии (//), указывающие на то, что данное произведение составляет часть более широкого издания (журнала, сборника статей);

5) название журнала или сборника, в котором опубликована данная статья;

6) если это журнал, то следует указать год его выпуска, номер журнала и страницы журнала, на которых размещена данная статья; если это сборник статей, то после его названия следует поставить двоеточие и указать вид издания — «сборник научных статей», после чего поставить точку, тире, место издания (т. е. город, в котором выпущен данный сборник), двоеточие, издательство, запятая, год издания (указываются только цифры), точка, большая буква «С» с точкой и номера страниц сборника, на которых размещена данная статья.

2. Описание монографий, энциклопедий, учебников и т. п.:

1) фамилия и инициалы автора (или авторов статьи);

2) название работы;

3) после двоеточия указание вида издания (монография, энциклопедия, словарь, учебник, учебное пособие и т. д.);

4) одна косая линия (/), после которой приводятся сведения об авторской ответственности, как правило, состоящие в указании инициалов и фамилии(й) автора(ов);

5) после этого ставятся точка, тире и указывается место издания (город), двоеточие, издательство, запятая, год издания (указываются только цифры), после чего ставятся точка, тире, цифры, обозначающие количество страниц в данном издании и маленькая «с» с точкой.

§ 3. Порядок защиты диссертации⁵⁹

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку.

В диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, — рекомендации по использованию научных выводов.

Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в рецензируемых изданиях должно быть:

- в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук — не менее 3;
- в остальных областях — не менее 2.

К публикациям, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени, в рецензируемых изданиях приравниваются патенты на изобретения, патенты (свидетельства) на полезную модель, патенты на промышленный образец, патенты на селекционные достижения, свидетельства на программу для электронных вычислительных машин, базу данных, топологию интегральных микросхем, зарегистрированные в установленном порядке.

⁵⁹ Материал данного параграфа составлен на основании требований и формулировок ГОСТа Р 7.0.11–2011 «Общие требования к оформлению кандидатских и докторских диссертаций и авторефератов диссертаций по всем отраслям знаний. Дата введения 2012-09-01».

В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить в диссертации это обстоятельство.

Представление и защита диссертаций

Соискатель ученой степени представляет диссертацию на бумажном носителе на правах рукописи и в электронном виде.

Диссертация оформляется в соответствии с требованиями, устанавливаемыми Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация и автореферат представляются в диссертационный совет на русском языке. Защита диссертации проводится на русском языке, при необходимости диссертационным советом обеспечивается синхронный перевод на иной язык.

Заключение организации по диссертации является действительным в течение 3 лет со дня его утверждения руководителем организации или лицом, уполномоченным на это в порядке, установленном организацией. Порядок подготовки заключения организации по диссертации и выдачи его соискателю ученой степени определяется локальным актом организации.

Соискатель ученой степени имеет право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет. При этом научная специальность (научные специальности) и отрасль науки, по которым выполнена диссертация, должны соответствовать научной специальности (научным специальностям) и отрасли науки, по которым диссертационному совету Министерством науки и высшего образования Российской Федерации предоставлено право проведения защиты диссертаций.

Диссертационный совет обязан принять диссертацию к предварительному рассмотрению при наличии положительного заключения организации, где выполнялась диссертация, и документов, предусмотренных перечнем, утвержденным Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, а также при условии размещения соискателем ученой степени полного текста диссертации на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети Интернет. Текст диссертации, представленный

в диссертационный совет, должен быть идентичен тексту диссертации, размещенному в сети «Интернет» на официальном сайте организации, на базе которой создан этот диссертационный совет. Внесение изменений в текст диссертации, размещенный на указанном сайте, не допускается.

Диссертационный совет создает комиссию, в состав которой входят не менее 3 членов диссертационного совета, являющихся специалистами по проблемам каждой научной специальности защищаемой диссертации, для предварительного ознакомления с диссертацией (далее — комиссия диссертационного совета).

При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает официальных оппонентов по диссертации из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых, имеющих публикации в соответствующей сфере исследования и давших на это свое согласие (далее — оппоненты).

Оппонентами не могут быть министр науки и высшего образования Российской Федерации, государственные (муниципальные) служащие, выполняющие работу, которая влечет за собой конфликт интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации, члены Комиссии, члены экспертных советов, члены диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, научные руководители (научные консультанты) соискателя ученой степени, соавторы соискателя ученой степени по опубликованным работам по теме диссертации, а также работники (в том числе работающие по совместительству) организаций, где выполнялась диссертация или работает соискатель ученой степени, его научный руководитель или научный консультант, а также где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем). Оппоненты должны являться работниками разных организаций в случае осуществления ими трудовой деятельности.

Оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв на диссертацию, в котором оцениваются актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленным настоящим Положением.

Подпись оппонента на отзыве заверяется в установленном законом порядке.

Оригиналы отзывов оппонентов на диссертацию передаются оппонентами в диссертационный совет не позднее, чем за 15 дней до дня защиты диссертации, а копии отзывов вручаются в диссертационном совете соискателю ученой степени не позднее, чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает по диссертации организацию (с ее согласия), широко известную своими достижениями в соответствующей отрасли науки и способную определить научную и (или) практическую ценность диссертации, которая представляет в диссертационный совет отзыв на диссертацию (далее — ведущая организация).

Ведущей организацией не могут быть организации, в которых работают соискатель ученой степени, научные руководители (научные консультанты) соискателя ученой степени, а также организации, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем).

В отзыве ведущей организации на диссертацию отражается значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки. В отзыве на диссертацию, имеющую прикладной характер, должны также содержаться конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов, приведенных в диссертации.

Отзыв ведущей организации на диссертацию утверждается ее руководителем (заместителем руководителя) на основании заключения структурного подразделения этой организации, одно из основных направлений научно-исследовательской деятельности которого соответствует тематике диссертации, по результатам проведенного на его заседании обсуждения диссертации. Подпись руководителя ведущей организации заверяется печатью данной организации (при наличии).

Оригинал отзыва на диссертацию ведущая организация направляет в диссертационный совет не позднее 15 дней до дня защиты диссертации. Копию отзыва диссертационный совет вручает соискателю ученой степени не позднее, чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

При принятии к защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук диссертационный совет не позднее, чем за 3 месяца

до дня защиты, а при принятии к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук — не позднее, чем за 2 месяца до дня защиты размещает на официальном сайте Комиссии в сети «Интернет» текст объявления о защите диссертации и автореферат диссертации, а также размещает на официальном сайте организации, на базе которой создан этот диссертационный совет, отзывы научных руководителей или научных консультантов соискателя ученой степени (при наличии).

Полный текст диссертации должен быть доступен для ознакомления по адресу в сети «Интернет», указанному в объявлении о защите диссертации, для любых лиц в течение не менее 12 месяцев со дня защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук и в течение не менее 10 месяцев со дня защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Соискатель ученой степени имеет право на проведение защиты диссертации при наличии отрицательных отзывов. Заседание диссертационного совета считается правомочным, если в его работе принимают участие не менее двух третей членов диссертационного совета.

Решение диссертационного совета по вопросу присуждения ученой степени доктора или кандидата наук считается положительным, если за него проголосовали не менее двух третей членов диссертационного совета, участвовавших в заседании.

При проведении заседания диссертационного совета ведется его стенограмма и аудиовидеозапись. Аудиовидеозапись заседания диссертационного совета должна в течение всего заседания диссертационного совета фиксировать ход заседания диссертационного совета, в том числе присутствие членов диссертационного совета и оппонентов, участвующих в заседании, выступления на данном заседании соискателя ученой степени, оппонентов (включая оппонентов, участвующих в заседании диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме), членов диссертационного совета и других лиц, присутствующих на этом заседании.

Публичная защита диссертации должна носить характер научной дискуссии и проходить в обстановке требовательности, принципиальности и соблюдения научной этики, при этом анализу должны подвергаться достоверность и обоснованность всех выводов и рекомендаций научного и практического характера, содержащихся в диссертации. После окончания защиты диссертации диссертационный

совет проводит тайное голосование по присуждению ученой степени. Для проведения подсчета голосов избирается открытым голосованием простым большинством голосов членов диссертационного совета, участвующих в заседании, счетная комиссия в количестве не менее трех членов диссертационного совета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осознанность методологической базы проводимого исследования выступает одним из атрибутов науки. Изучение учебного курса «Методология подготовки и проведения научного исследования» позволяет осознать, что будущий ученый социально-гуманитарного профиля, если он всерьёз занят собственным делом, не может обойтись без рефлексии над смыслом своих научных занятий, без попытки понять специфику той интеллектуальной деятельности, которой он посвящает свою жизнь. Именно поэтому адъюнктам и соискателям необходимо усвоить в первую очередь особенности научного мировоззрения, познакомиться с этапами развития науки, обратиться к важнейшим формам взаимодействия науки с другими сферами жизни, такими, например, как юриспруденция, педагогика, психология или экономические науки, которые будут определять вашу профессиональную деятельность после защиты кандидатской диссертации.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

*Нормативные правовые акты**

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы.
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 ноября 2013 г. № 1259 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)».
4. Положение о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

Основная литература

6. Гусева Е. А. Философия и история науки : учебник / Е. А. Гусева, В. Е. Леонов. — Москва: Инфра-М, 2018. 232 с.
7. Платонова С. И. История и философия науки : учебное пособие / С. И. Платонова. — Москва: Риор, 2019. 128 с.
8. Стрельченко В. И. Основы истории и философии науки : учебное пособие по истории и философии науки для аспирантов / В. И. Стрельченко. — Санкт-Петербург: Астерион, 2018. — 490 с.
9. Шишков И. З. История и философия науки / И. З. Шишков. — Москва: Ленанд, 2019. — 664 с.

Дополнительная литература

10. Багдасарьян Н. Г. История, философия и методология науки и техники : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н. Г. Багдасарьян, В. Г. Горохов, А. П. Назаретян. — Люберцы: Юрайт, 2016. — 383 с.
11. Балахонский В. В. Принцип вариативно-моделирующего осмысления истории: гносеологический статус и методологические перспективы // Антология современной русской философии. — Москва: Энциклопедист-Максимум, 2017. С. 38–66.

* Все нормативные правовые акты приводятся по данным официального интернет-портала правовой информации pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2023).

12. Балахонский В. В., Модели и философско-эпистемологические репрезентации истории : монография / В. В. Балахонский, М. В. Бахтин, В. И. Стрельченко. — Москва: Энциклопедист-Максимум, 2017.
13. Балахонский В. В. Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты / В. В. Балахонский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России : научно-теоретический журнал. 2013. № 2(58). С. 194–201.
14. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права / В. В. Балахонский // Философия права : научно-теоретический журнал. 2011. № 5. С. 12–15.
15. Батурин В. К. Философия науки : учебное пособие / В. К. Батурин. — Москва: Юнити, 2015. — 303 с.
16. Кохановский В. П. Философия науки : учебное пособие / В. П. Кохановский, В. И. Пржиленский, Е. А. Сергодеева. — Москва: Норма, 2017. — 416 с.
17. Крянев Ю. В. История и философия науки (философия науки) : учебное пособие / Ю. В. Крянев, Е. Ю. Бельская, Н. П. Волкова. — Москва: Альфа-М, 2016. — 366 с.
10. Кудин В. А. История и философия науки : учебник для адъюнктов, аспирантов и соискателей социально-гуманитарных вузов / В. А. Кудин, В. В. Балахонский, Б. К. Джегутанов [и др.]; под ред. В. В. Балахонского, В. А. Кудина, Б. К. Джегутанова. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2013. — 736 с.
18. Лебедев С. А. Философия науки : учебное пособие для магистров / С. А. Лебедев. — Люберцы: Юрайт, 2015. — 296 с.
19. Мамзин А. С. История и философия науки : учебник для магистров / А. С. Мамзин, Е. Ю. Сиверцев. — Люберцы: Юрайт, 2016. — 360 с.
20. Мареева Е. В. Философия науки : учебное пособие / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. — Москва: Инфра-М, 2018. — 544 с.
21. Светлов В. А. Философия и методология науки : учебное пособие / В. А. Светлов, И. А. Пфаненштиль. — Москва: Инфра-М, 2019. — 288 с.
22. Философия : курс лекций / под ред. В. В. Балахонского, А. Г. Никулина. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. — 264 с.
23. Философия : учебник / под ред. В. В. Балахонского, А. С. Болдырева; 5-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. — 464 с.

Для заметок

Учебное издание

Балахонский Виталий Витальевич,
*доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;*
Никулин Антон Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент;
Молчанова Маргарита Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Редактор *Великих А. Н.*
Компьютерная вёрстка *Фролова А. В.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-683-6

Подписано в печать 15.03.2023. Формат 60×84^{1/16}
Печать цифровая. Объём 4,25 п. л. Тираж 50 экз. Заказ № 13/23

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1